А 205
346

Сибирскіе Вопросы

Годъ II-й

№ 3

СОДЕРЖАНІЕ СЕНТЯБРЬСКОЙ КНИЖКИ.

I. Истощеніе Сибири . . . . . *М. Боголѣпова*

II. На краю степи *(Разсказъ)*. . . . . *Н. Олигера*

III. Алтай и кабинетъ. . . . . *Сибиряка-скитальца*

IV. На нивѣ народной *(Изъ записокъ сибирскаго учителя)* . . . . . *Г. Вяткина*

V. Значеніе землеустройства для населенія Сибири *(Окончаніе)*. . . . . *В. Григорьева*

VI. Изъ пѣсенъ объ Алтаѣ *(Стихотвореніе)* . *Г. Вяткина*

VII. На зарѣ сибирской печати . . . . . *В. Г.*

VIII. Изъ хроники общественной жизни Сибири. . . . . *L.*

Бюрократія и земскій вопросъ.

IX. Библіографія.

Л. Г. Дейчъ. 16 лѣтъ въ Сибири *(Воспоминанія)* Спб. 1906 г. *L.*

Н. В. Родіоновъ. На Пасху. Сборникъ произведеній Сибирскаго писателя Спб. 1906 г. *N.*

Бар. Н. Н. Торнау. Атласъ по отечествовѣдѣнію. Ч. II. Сибирь и Туркестанъ. Спб. 1906 г. *П. Г-ва.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка 96.
1906.

На краю степи.

Разсказъ.

Длинная, длинная желѣзная лента. Словно тяжелый обручъ сковала она выпуклую грудь земли. Врѣзалась въ горы, повисла надъ рѣками. Старыя, твердыя скалы разступились и дали ей дорогу. Ушла отъ горъ къ далекому туманному морю и остановилась тамъ, безсильная передъ его ширью.

Плывутъ, несутся по ней, какъ кровь въ артеріи, товары, люди. Ѣдкій дымъ желѣзнаго чудовища клубится надъ спаленной тайгой, прячется въ ущельяхъ, тянется надъ широкой степью. Волнами ходитъ по степи серебряный ковыль.

По самому степи краю прошла дорога. Направо разбросались еще кое-гдѣ рѣдкія березовыя рощи, чахлый тальникъ наклонился надъ болотомъ, а налѣво нѣтъ уже ничего, кромѣ голой, гладкой степи, опоясанной красноватыми солончаками и длинной полосой горькихъ озеръ.

Какъ разъ на этой границѣ построили пріѣзжіе люди два маленькихъ желтыхъ домика съ красными желѣзными крышами, поставили высокіе столбы съ цвѣтными сигнальными огнями. Начали потомъ рыть колодецъ. Долго рылись, какъ кроты, подъ степью, перерѣзали не мало ключей, и во всѣхъ ихъ вода была горькая, какъ морская. Назвали тогда домики: „Горькій разъѣздъ“, но не остановились передъ неудачей, а привезли громоздкую паровую машину, длинныя желѣзныя трубы, буры, колеса. Вырыли глубокій артезіанскій колодецъ, добрались до прѣсной воды. Теперь можно было жить. Поселили въ домикахъ людей, и начали гремѣть мимо нихъ днемъ и ночью поѣзда.

Изъ оконъ вагоновъ смотрѣли иногда проѣзжіе на голую степь, морщились и говорили: Эхъ, скука-то какая!

Сидя за аппаратомъ въ дежурной комнатѣ разъѣзда,

старшій телеграфистъ тоже посматривалъ на степь и думалъ: Ну, и тоска же здѣсь смертная!

На разъѣздѣ жило мало народу: начальникъ съ женой, два телеграфиста, стрѣлочникъ, сторожъ и жена сторожа съ ребенкомъ. Кромѣ сторожа и ребенка, всѣ скучали. И постоянно мечтали о томъ, какъ хорошо было-бы, если-бы перевели ихъ куда-нибудь въ другое мѣсто.

— На среднемъ участкѣ не лучше!—пробовалъ утѣшить себя начальникъ.—Тамъ тайга, болота. Отъ мошки лѣтомъ на платформу выйти нельзя, а зимой волки во дворъ забираются. Лихорадки, болѣзни... У насъ, по крайней мѣрѣ, климатъ здоровый и мошки мало.

На средній участокъ никто и не хотѣлъ переводиться. Просто думали о лучшемъ мѣстѣ. А гдѣ оно, это лучшее мѣсто—Богъ его знаетъ. Гдѣ нибудь да есть.

По мѣрѣ того, какъ проходили одинъ за другимъ мѣсяцы службы, начали понемногу привыкать. Старшій телеграфистъ добылъ себѣ ружье, старую шомпольную двухстволку, и въ свободные часы ходилъ на охоту. Стрѣлялъ куропатокъ, кое-какую водяную птицу, а на лѣсистой сторонѣ водилось еще и множество зайцевъ.

Очень скучно было только зимой, когда лопались отъ мороза новыя бревенчатыя стѣны, а стрѣлочникъ ходилъ къ семафору по колѣни въ снѣгу. Тогда въ березовыхъ „колкахъ“ жалобно подвывали волки, а въ сухихъ тростникахъ, за солончаками, гудѣлъ вѣтеръ и сыпалъ въ окна разъѣзда сухую, какъ песокъ, изморозь. Вспоминалась тогда прежняя служба, старенькій, подгнившій полустанокъ гдѣ нибудь въ черноземной губерніи, сплошь окруженный пахотными полями и крестьянскими выгонами. Волковъ тамъ не водилось, потому что и людямъ жить было тѣсно. А вода тамъ была сладкая.

— Господи, и зачѣмъ эту Сибирь выдумали! — жаловалась жена начальника.—Да впрочемъ, умные люди и здѣсь хорошо устраиваются. А ты до самой смерти такъ и будешь сохнуть гдѣ-нибудь въ степи. Хотя-бы въ городъ съѣздить...

Ѣздила она и такъ больше всѣхъ. То и дѣло отправлялась въ товарной теплушкѣ на сосѣднюю большую станцію, съ провизіоннымъ билетомъ въ карманѣ. Тамъ служа-

щихъ было много, а въ селѣ жилъ врачъ и двѣ фельдшерицы. Кое-какъ коротали время. Даже любительскіе спектакли устраивали.

— Живутъ же люди... Послѣднему запасному агенту—и то лучше, чѣмъ намъ. Все нѣтъ-нѣтъ да и попадетъ на хорошее мѣсто.

Младшему телеграфисту, мальчику лѣтъ семнадцати, жилось всѣхъ хуже, хотя жаловаться ему не приходилось, потому что онъ былъ—младшій. Но и у него тоже отлегало отъ сердца, когда начинались первыя оттепели, и тоненькая ледяная корочка на снѣжныхъ сугробахъ блестѣла такъ, какъ будто всю ее усыпали брилліантами.

Дружно, въ нѣсколько дней, приходила весна. Снѣжный саванъ рвался на клочья и какъ будто проваливался сквозь землю, а земля, темная, дымящаяся, покрытая рыжеватымъ узоромъ прошлогодней травы, выходила на верхъ и жадно ловила тепло. Поднималась выше краевъ вода въ горькихъ озерахъ, и по жесткимъ солончакамъ съ шумомъ неслись прѣсные ручьи снѣговой воды. Дичь кишѣла повсюду, и у старшаго телеграфиста едва хватало терпѣнья отсиживать свое дежурство у аппарата. Въ открытое окно тянулъ вѣтерокъ, приподымая на столѣ печатные бланки телеграммъ и вѣдомостей, пахло свѣжей землей и еще чѣмъ то веселымъ и бодрящимъ.

Короткіе свободные часы телеграфистъ цѣликомъ проводилъ въ степи, шагая по зыбкой почвѣ высокими сапогами и придерживая рукой кожаный погонъ двухстволки. Стрѣлялъ онъ рѣдко и плохо, потому что живая дичь интересовала его больше, чѣмъ убитая. И каждый свѣжій цвѣтокъ, послѣ духоты и грязи дежурной комнаты, казался ему несказанно красивымъ. Еще лежали кое-гдѣ послѣдніе сугробы снѣга съ рыхлыми кружевными краями, насквозь проточенными солнцемъ, а степь уже зацвѣтала.

Качали золотыми головками безчисленныя, какъ звѣзды, анемоны на тоненькихъ мохнатыхъ стебелькахъ. Открывали свои тонкіе лепестки на высокихъ, сухихъ мѣстахъ бѣлыя примулы. Пониже, въ сырости, голубыми пятнышками зацвѣтали незабудки. Робко прокрадывались изъ-подъ земли кудрявыя, лиловыя кукушкины слезки. А затѣмъ уже начинали торопливо выбираться на свѣтъ Божій самые разно-

образные, бѣлые, красные, желтые и синіе, цвѣточки, названій которыхъ совсѣмъ не зналъ телеграфистъ.

Старые, рыжіе обрывки прошлогодней травы исчезали подъ зеленымъ ковромъ. Ровный, какъ скатерть, убѣгалъ онъ далеко за горизонтъ и только мѣстами, у самой цѣпи горькихъ озеръ, ярко выступали сѣрыя пятна солончаковъ съ красными, какъ кровь, чахлыми кустиками солончаковаго бурьяна.

На горизонтѣ, верстъ за пять отъ разъѣзда въ сторону степи, чернѣли какія-то землянки, камышевые плетни. Это была зимовка осѣдлыхъ киргизъ-джатаковъ.

Поселились они тамъ всего года два тому назадъ, когда кругомъ нарѣзали въ самыхъ лучшихъ, водныхъ мѣстахъ переселенческіе участки, и стало совсѣмъ некуда гонять табуны на лѣтовку. Сѣяли только просо и полбу, и никакъ не могли приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Во время своихъ охотничьихъ скитаній телеграфистъ заходилъ иногда и къ нимъ, чтобы посмотрѣть на грязныя и тѣсныя, какъ звѣриныя норы, землянки, на полуголыхъ ребятъ, на худыхъ, изможденныхъ работой и почернѣвшихъ отъ непогоды женщинъ. Джатаки не забыли еще старыхъ обычаевъ и встрѣчали гостя привѣтливо, но угощать его было нечѣмъ. Кумысъ случался только изрѣдка, а барановъ кололи и того рѣже. Жили больше на просяной кашѣ съ саломъ, на плохихъ баурсакахъ, да на жидкой молочной похлебкѣ.

Телеграфистъ выучился у нихъ нѣсколькимъ киргизскимъ словамъ и, когда приходилъ, всегда справлялся по всѣмъ правиламъ вѣжливости: — Малъ джаксы ма? Здоровъ ли скотъ? А аульный аксакалъ въ отвѣтъ грустно вздыхалъ, показывая на впалыя ребра и отвислые животы, на опущенныя головы своихъ кобылицъ и, махнувъ рукой, коротко бросалъ: Джаманъ!

Загнанные на самый край своей степи, противъ воли прикованные къ одному мѣсту, они жили замкнуто и уединенно. Сосѣдніе баи, сохранившіе еще кое-какъ старые порядки, не ѣздили къ нимъ въ гости, потому что считали ниже своего достоинства знаться съ джатаками. Степная жизнь шла мимо нихъ, а къ новой, осѣдлой, русской они еще не пристали. И были они совсѣмъ, какъ отщепенцы своего народа.

Отъ ихъ общества не дѣлалось веселѣе, но телеграфисту до горечи надоѣли все одни и тѣ же лица, съ которыми ему приходилось каждый день сталкиваться на разъѣздѣ. Джатаки со своими особыми горестями и особыми интересами вносили, всё таки, нѣкоторое разнообразіе.

Въ самомъ концѣ весны. когда свѣжая трава начала уже мѣстами желтѣть отъ палящихъ лучей, а ковыль распушился бѣлыми султанчиками, младшій телеграфистъ заболѣлъ лихорадкой. Старшему пришлось нѣсколько дней дѣлать его работу, и онъ цѣлыми сутками не выходилъ почти изъ дежурной комнаты. Голова заболѣла отъ трескотни аппарата, рука онѣмѣла.

Одинъ разъ какъ-то выдалась небольшая передышка. Телеграфистъ разогнулъ спину, потянулся и встрѣтился глазами съ чьей-то любопытной физіономіей, заглядывавшей въ открытое окно. Физіономія была сморщенная, какъ печеное яблоко, обрамлялась жиденькой сѣдой бородкой, а наверху увѣнчивалась до-нельзя промасленной тюбитейкой.

— Тебѣ чего?—спросилъ телеграфистъ. — Смотримъ! — коротко объяснила физіономія и губы у нея растянулись въ улыбку, показавъ два ряда бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ.

Телеграфистъ вспомнилъ, что онъ видѣлъ уже эту физіономію въ джатакской зимовкѣ. Тамъ онъ держался какъ то въ сторонѣ и игралъ, повидимому, роль байгуша—полунищаго, полуработника.

— Тебя какъ зовутъ!—Джаксыбай. Мы тебя знаемъ. Къ намъ въ гости ходилъ.

По русски байгушъ говорилъ довольно бойко. Видимо, давно уже онъ ютится тутъ, въ чертѣ русскихъ поселеній.

Посмотрѣлъ на аппаратъ, потомъ осторожно протянулъ руку черезъ подоконникъ и коснулся пальцемъ коробки съ часовымъ механизмомъ.

— Стучишь?—Стучу!—согласился телеграфистъ. — А зачѣмъ ты стучишь?—Телеграфистъ въ короткихъ словахъ попробовалъ ему объяснить сущность своей работы. Къ его удивленію, байгушъ кое-что понялъ и выразилъ свое полное одобреніе.—Хорошо, очень хорошо. Урусъ — умная голова... Ну, прощай. Домой пойдемъ. Работать будемъ.

Съ этого времени Джаксыбай почти каждый день началъ

приходить на разъѣздъ. Иногда встрѣчалъ на платформѣ поѣзда, а чаще стоялъ у окна дежурной комнаты и слѣдилъ за работой телеграфиста или начальника разъѣзда. Начальникъ его не долюбливалъ.

— Ты бы отошелъ подальше, милый человѣкъ. Воняетъ отъ тебя.—Зачѣмъ воняетъ?—хладнокровно возражалъ байгушъ.—Новую рубаху носимъ. Не воняетъ.

Жена начальника дала ему нѣсколько кусковъ сахару и щепотку чаю. Онъ долго благодарилъ, завернулъ подарокъ въ тряпочку и ушелъ совсѣмъ довольный.

— Алканъ чай не пьетъ, Нурбетъ чай не пьетъ, а Джаксыбай будетъ чай пить. Ахъ, хорошо!

Появлялся онъ обыкновенно всего на нѣсколько минутъ, много на полчаса, но иногда, повидимому, работы для него въ зимовкѣ было мало, и тогда онъ проводилъ на разъѣздѣ почти цѣлый день, съ утра до вечера.

Аверьянъ, станціонный сторожъ, пока не приглядѣлся къ Джаксыбаю, безъ всякаго милосердія гналъ его прочь. Сторожъ только уже послѣ постройки желѣзной дороги переселился въ Сибирь откуда-то изъ центральной Россіи и былъ о всякихъ инородцахъ очень низкаго мнѣнія.

— Все равно, какъ скотина, а не люди. Только мѣсто загораживаютъ. Перемерли-бы скорѣе, что ли... Людямъ просторнѣе станетъ.

Но Джаксыбай былъ кротокъ и кротостью своей смягчилъ Аверьяново сердце. Работы у сторожа было много, и онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что изъ байгуша можно извлечь нѣкоторую пользу.

— Эй, ты! Чего шляешься? Склади, вотъ, дрова подъ сарайчикъ... А то я тебя такъ погоню...

Байгушъ складывалъ дрова и, въ видѣ награды, пользовался правомъ остатокъ дня невозбранно проводить на разъѣздѣ. Все его интересовало, и все онъ старался не только осмотрѣть, но и ощупать.

Когда младшій телеграфистъ выздоровѣлъ, старшій опять закинулъ ружье за плечо и пошелъ побродить въ степь. Солнце палило его, какъ огнемъ, а онъ съ наслажденіемъ подставлялъ одѣтую въ парусиновый китель спину горячимъ лучамъ и по временамъ только прикладывался къ висѣвшей у пояса фляжкѣ съ водой. Зашелъ далеко за зи-

мовку и присѣлъ отдохнуть на плоскомъ берегу крошечнаго, мелководнаго озера.

И вдругъ откуда-то вывернулся, какъ изъ подъ земли вылѣзъ, байгушъ. Поздоровался и присѣлъ неподалеку, поджавъ босыя ноги калачикомъ. — Гуляешь? — Гуляю.—И мы гуляемъ. Работы нѣтъ—гуляй, Джаксыбай. Въ степь ходимъ.

Телеграфистъ посмотрѣлъ на его запыленныя, поцарапанныя высохшей травой ноги и спросилъ:

— Далеко ходилъ? — Недалеко. Въ молушкѣ были. Святому молился. — Это гдѣ же?

Байгушъ указалъ рукой куда-то вдаль. Тамъ, въ волнахъ раскаленнаго воздуха, чуть маячила какая-то маленькая постройка, похожая на безпорядочно наваленную груду дикаго камня. Телеграфистъ вспомнилъ, что проходилъ какъ-то мимо этой постройки и заинтересовался тогда ея древнимъ видомъ. Грубо обдѣланные камни поросли сѣрыми лишаями. Внутри было что-то вродѣ комнатки, сырой и темной. Тамъ жили степные тарантулы, да бойкія пестрыя ящерицы.

— Развѣ тамъ похороненъ кто-нибудь? — поинтересовался телеграфистъ. Джаксыбай утвердительно кивнулъ головой. — Тамъ Алканъ-батырь лежитъ. Давно умеръ. Тысяча лѣтъ—больше. Отъ него мой родъ пошелъ. Ой, хорошій родъ! Старый... — Часто ты ему молишься? — Нельзя часто. Надоѣстъ — сердитый будетъ. Рѣдко ходимъ. Камень упалъ—поправимъ. Еще тысячу лѣтъ стоять будетъ.

Помолчалъ немного и добавилъ: — Тысяча лѣтъ—много. Тогда всѣ помремъ. Ни одинъ кайсакъ не останется. А молушка останется. Кто придетъ, молушка ему скажетъ: жилъ кайсакъ. — Почему же ты думаешь, что черезъ тысячу лѣтъ всѣ киргизы перемрутъ? — Раньше помрутъ!

Джаксыбай повернулся къ длинной, прямой линіи желѣзной дороги, перерѣзавшей степь, и долго смотрѣлъ на нее, защитивъ старые глаза ладонью.

— Раньше было хорошо, теперь худо. Помирать будемъ. Мы тоже богатый былъ. Жену имѣлъ, косякъ гонялъ. Теперь ничего нѣтъ. Говорятъ: не твоя земля, не ходи. Джютъ пришелъ, всѣ кони пропали. Коней нѣтъ — ничего нѣтъ.

— Давно ты здѣсь, Джаксыбай? — Десять годовъ есть.

Тогда бѣдный сталъ. Раньше тутъ только на кстау стоялъ зимовать. На лѣтовку далеко, къ большой водѣ ходилъ. Потомъ тутъ остались.

И Джаксыбай съ одушевленіемъ, то и дѣло сбиваясь отъ волненія на родную киргизскую рѣчь, принялся разсказывать о прежней жизни въ степи, о томъ, какъ кочевалъ онъ со своими кибитками по далекому простору. Разсказалъ даже, въ какое время гдѣ лучше пасти скотъ, почему лошадямъ нужна соленая солончаковая трава, и разъяснилъ вообще всякія мелочи своего прежняго хозяйственнаго быта.

Телеграфистъ слушалъ его съ большимъ интересомъ, потому что до сихъ поръ ничего почти не зналъ объ этой жизни, а байгушъ говорилъ какъ тонкій знатокъ, краснорѣчиво и восторженно. И когда Джаксыбай вдругъ замолчалъ и, передвинувъ тюбитейку, понурилъ голову, телеграфистъ заторопилъ его:

— Ну, что же ты? Говори дальше.—Дальше ничего нѣтъ. Дальше худо. Теперь работаемъ. Лѣтомъ голодный, зимой голодный, всегда голодный. — А почему же такъ? Все мы, русскіе, виноваты?—Байгушъ удивленно поднялъ глаза. — Зачѣмъ виноваты? Никто не виноватъ. Когда въ косякѣ два айгыра, всегда сильный слабаго бьетъ и жить ему не даетъ. Урусамъ жить надо. Намъ жить надо. Кто сильнѣе, тотъ верхъ возьметъ. Никто не виноватъ. Раньше мы тоже воевали. Одинъ родъ съ другимъ. Чей родъ сильнѣе, тотъ верхъ бралъ. Нашъ родъ всегда хорошій былъ, а теперь отъ него ничего не осталось. Значитъ, мы сильные, а урусы еще сильнѣе. Урусамъ тѣсно, вотъ они и придумали желѣзнаго коня, чтобы въ далекія земли ѣздить. А кайсакъ не придумалъ. Ему и дома хорошо было.

Солнце жгло все сильнѣе. Телеграфистъ потянулся было къ фляжкѣ, но она давно уже опустѣла. Приходилось идти домой. Телеграфистъ всталъ, попрощался съ байгушемъ, вскинулъ ружье и пошелъ, не оглядываясь, къ затерянным въ степи маленькимъ желтымъ домикамъ съ красными желѣзными крышами.

Дома онъ сѣлъ за аппаратъ и, изнывая отъ духоты, выстукивалъ однообразныя служебныя донесенія. Въ головѣ у него еще стоялъ шумъ отъ джаксыбаевыхъ словъ и развертывалась, какъ живая, передъ глазами чужая, невѣдо-

мая жизнь, долгія сотни лѣтъ кипѣвшая здѣсь, въ такой безжизненной на видъ степи, а теперь медленно погасавшая подъ напоромъ новой желѣзной силы.

Туповатая покорность байгуша передъ неизбѣжной судьбой немножко его раздражала. Самъ онъ былъ человѣкъ довольно развитой, читалъ много книжекъ и считалъ себя однимъ изъ сознательныхъ представителей трудящейся арміи пролетаріата. И міровоззрѣніе Джаксыбая никакъ не укладывалось въ его европейскомъ мозгу.

— Все-таки—низшая раса, обреченная судьбой на вымираніе. Скверно только, что и ихъ больше губитъ наша канцелярщина, а не какая-нибудь тамъ историческая необходимость... При желаніи можно было бы сдѣлать и болѣе безболѣзненнымъ этотъ переходъ къ новому укладу.

И телеграфистъ цѣлый вечеръ думалъ, какія мѣропріятія проводилъ бы онъ въ будущемъ русскомъ парламентѣ на пользу киргизъ, если бы былъ выбранъ депутатомъ. Но парламента пока не предвидѣлось, и поэтому, когда Джаксыбай на слѣдующее утро пришелъ на разъѣздъ, телеграфистъ далъ ему, въ видѣ аванса, кусокъ сахару.

— Охота вамъ съ этимъ грязнымъ бродягой возиться!— сказалъ начальникъ. — Онъ тутъ еще всякихъ паразитовъ напуститъ. Я и то уже персидскаго порошку выписалъ.— Не напуститъ. Вѣдь онъ же въ комнаты не ходитъ!—убѣжденно возразилъ телеграфистъ. — А типъ интересный. Вы представьте себѣ, напримѣръ, что онъ за тысячу лѣтъ свою родословную знаетъ. — Дворянинъ, значитъ! — усмѣхнулся начальникъ. — Въ бархатную книгу записанъ. — Дворянинъ не дворянинъ, а помнитъ. Ну, а я, такъ, ей-Богу, даже и не зналъ никогда, какъ моего прадѣдушку звали. Вотъ оно что значитъ—родовой бытъ-то! Прямо — живая иллюстрація. — Ужъ вы... ученый! Никакой не родовой бытъ, а просто бродяга, и надуваетъ онъ васъ, чтобы вы его сахаромъ кормили. — Ничего не надуваетъ. Тутъ недалеко и могила есть, гдѣ его предокъ лежитъ. Онъ туда молиться ходитъ. — Да чортъ съ нимъ! Только вы въ комнаты его не пускайте.

На слѣдующій разъ телеграфистъ пошелъ охотиться уже съ опредѣленнымъ намѣреніемъ повидать Джаксыбая и поэтому зашелъ въ зимовку.

Тамъ все было попрежнему. Барахтались въ пыли полу-

голыя ребята, дремалъ на порогѣ землянки старый аксакалъ, худая женщина съ больными трахомой глазами доила корову.

Джаксыбай работалъ. Смѣшивалъ съ навозомъ липкую солончаковую землю и лѣпилъ изъ этой смѣси кирпичи. Длинные ряды готовыхъ кирпичей сушились уже на солнцѣ.

Работа была тяжелая и не для такого стараго человѣка. На вискахъ у него вены надулись отъ напряженія; голыя до плечъ, жилистыя руки дрожали. Сидя на корточкахъ, онъ то и дѣло выпрямлялъ затекшую спину и смахивалъ съ грязнаго лица крупныя капля пота. Отъ этого все лицо у него покрылось параллельными свѣтлыми и черными полосами, и даже въ жиденькой бородѣ налипли комочки земли и навоза.

— Трудно, Джаксыбай? — сочувственно спросилъ телеграфистъ. — Трудно!—вздохнулъ байгушъ. — Старый сталъ, кости сгнили. Плохо работаемъ.

Сгибаясь подъ тяжестью, онъ отнесъ сушиться кучку готовыхъ кирпичей и, вернувшись на прежнее мѣсто, присѣлъ отдохнуть.

— Раньше бабы работали, Джаксыбай кумысъ пилъ, на байгу ѣздилъ. Теперь бабы нѣтъ. Джаксыбай самъ работай.— Ты это для себя дѣлаешь?

Байгушъ отрицательно покачалъ головой.

— Для себя ничего не дѣлаемъ. Юрты нѣтъ, хозяйства нѣтъ. — Значитъ, служишь по найму! — сообразилъ телеграфистъ. — Сколько же ты получаешь? — Пить, кушать даетъ. Новую рубашку даетъ. Больше ничего. — А деньгами? Джаксыбай, опять принимаясь за дѣло, отрицательно тряхнулъ головой. — Больше ничего.

Отъ смѣшанной съ навозомъ земли шелъ тяжелый запахъ. И телеграфисту теперь совсѣмъ уже не казалось удивительнымъ, почему отъ Джаксыбая такъ сильно „воняетъ“, когда онъ приходитъ на разъѣздъ.

— Тутъ пропахнешь... за новую рубашку! — подумалъ телеграфистъ.—Да и рубашки-то на немъ что-то не видно. Чортъ знаетъ... Каково-то ему, на старости лѣтъ, послѣ прежней привольной жизни, такую каторжную работу совершать?

И неожиданно для себя самого онъ спросилъ у киргиза:

— Джаксыбай, ты жить хочешь?

Байгушъ, повидимому, нисколько не удивился такому вопросу. Онъ по локоть запустилъ обѣ руки въ вязкую, черную массу, втиснулъ захваченную грязь въ грубо сколоченную деревянную форму и, не спѣша, отвѣтилъ:

— Хочемъ. А потомъ пояснилъ:—Наперед нельзя знать. Можетъ быть, еще хорошо будетъ. Доживемъ — видѣть будемъ. Собака тоже помирать не хочетъ. Ей хуже.

— Хуже-ли?—подумалъ телеграфистъ и невольно перевелъ глаза на тощую, паршивую дворняжку, подбиравшуюся, поджавъ хвостъ, къ какой-то давно уже обглоданной кости.

— Джаксыбай уловилъ этотъ взглядъ и съ сердцемъ отбросилъ форму.

— Когда собаку пожалѣешь, она хвостомъ вертитъ. Когда человѣка жалѣешь—ему нехорошо. Жалѣть не надо!

Телеграфистъ смутился и, пожелавъ Джаксыбаю всего хорошаго, ушелъ. Эта новая черта, которую онъ открылъ въ грязномъ байгушѣ, еще болѣе заинтересовала его. Дома онъ прежде всего сообщилъ начальнику:—Представьте себѣ: онъ гордъ и самолюбивъ! — Кто это? — Да Джаксыбай, конечно!

Начальникъ отмахнулся отъ него, какъ отъ мухи.

— Помѣшались вы на вашемъ Джаксыбаѣ... То у него родословная отъ самого Адама начинается, то вдругъ самолюбіе отыскалось... Вы ему лучше посовѣтуйте въ банѣ помыться.

Телеграфистъ, конечно, и не ожидалъ отъ начальника сочувствія своимъ увлеченіямъ. Просто была у него потребность высказаться, если не передъ начальникомъ, такъ хотя бы передъ сторожемъ Аверьяномъ. Лишь-бы кто-нибудь слушалъ.

— Да нѣтъ, вы поймите только, какъ, значитъ, крѣпки всѣ эти психическія переживанія! Кто теперь этотъ Джаксыбай? Нищій, кирпичи изъ навоза лѣпитъ. А психологія у него какъ у настоящаго вольнаго кочевника.—А сахаръ беретъ?—Ну, такъ что же—сахаръ! Это—подарокъ, и для него не унизительный. Да, кромѣ того, онъ, въ видѣ эквивалента, нашему Аверьяну помогаетъ.

— Тутъ безъ васъ сорокъ восьмой номеръ прошелъ!—

перевелъ начальникъ разговоръ на другую тему.—Какія-то новыя пушки провезли. Всѣ закутаны и охраняютъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ.

— Э, что тамъ пушки... Все равно побьютъ. А относительно Джаксыбая...—Ну, голубчикъ, мнѣ некогда!—сказалъ начальникъ.—Послѣ доскажете...

И ушелъ къ себѣ въ комнату, предоставивъ телеграфисту самостоятельно разбираться въ психическихъ переживаніяхъ.

Послѣ злополучнаго разговора о собакѣ байгушъ не являлся на разъѣздъ больше недѣли. И когда перестала мелькать передъ глазами его своеобразная фигура, всѣ почувствовали, какъ будто чего-то не хватаетъ. Даже Аверьянъ огорчился.

— Песку-бы, вотъ, надо въ палисадничкѣ насыпать, а онъ и глазъ не кажетъ, свиное ухо. Какъ не нуженъ былъ, такъ безперечь шлялся.—Куда же это ваша психологія подѣвалась? интересовался начальникъ.

Жара томила. Степь съ каждымъ днемъ все больше и больше выгорала отъ солнца. Дождя не было, и отъ весенняго ярко зеленаго ковра, затканнаго цвѣтами, не осталось уже и слѣдовъ. Красновато-сѣрые солончаки сливались съ общимъ буроватымъ фономъ, и сонныя, словно мертвыя, лежали наполовину пересохшія соленыя озера. Мѣстами вѣтеръ крутилъ и несъ уже пыль, какъ по улицѣ, и раньше времени сорвавшіеся съ корней шары перекати-поля неслись въ пыльномъ вихрѣ мимо разъѣзда, останавливаясь у откоса желѣзнодорожнаго полотна.

Жена начальника втихомолку плакала и чаще обыкновеннаго ѣздила съ провизіоннымъ билетомъ. Аверьянъ предсказывалъ неурожай. Жилось такъ же скучно, какъ въ глубокую зиму, и все на свѣтѣ казалось смертельно надоѣвшимъ, а особенно тѣ безчисленные воинскіе эшелоны, которые гремѣли мимо разъѣзда на востокъ, какъ будто въ самое солнечное пекло. Еще съ прошлаго года эти эшелоны удвоили работу служащихъ на разъѣздѣ и обратили станціонный дворикъ въ авгіеву конюшню, несмотря на соединенныя усилія Аверьяна и Джаксыбая.

Даже у исполнительнаго и безропотнаго начальника проявились оппозиціонныя чувства.

— Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое! Почему не прислали намъ на помощь ни одного запаснаго агента? Разсовали всѣхъ по новымъ разъѣздамъ, какъ будто у насъ и работы нѣтъ... Все таки былъ-бы новый человѣкъ, словомъ перемолвиться. А то мы уже всѣ другъ другу опротивѣли. И говорить намъ не о чемъ...

А солнце жгло, и степь изнывала подъ его лучами, огромная, безсильная, тщетно прося влаги для своей широкой груди. Пыль тонкимъ сѣрымъ слоемъ ложилась на аппаратномъ столѣ и понемногу перекрашивала въ какой-то неопредѣленный цвѣтъ красную желѣзную крышу

Пришелъ, наконецъ, Джаксыбай и, какъ всегда, остановился у открытаго окна, положивъ локти на подоконникъ Телеграфистъ сдавалъ дежурство и обрадовался.

— Ага, вотъ и ты! Какъ поживаешь, старикъ?—С пасибо живемъ.—Джаксыбайка, ступай дворъ чистить!—звалъ его съ платформы Аверьянъ, инстинктивно учуявшій присутствіе помощника.—Подожди!—остановилъ байгушателеграфистъ—Я тебѣ хочу сюрпризъ сдѣлать.

Онъ чувствовалъ нѣкоторую вину передъ Джаксыбаемъ и хотѣлъ чѣмъ-нибудь загладить свой промахъ. Сегодня утромъ жена начальника привезла съ сосѣдней станціи цѣлую четверть кумыса. Телеграфистъ налилъ большую чашку и далъ Джаксыбаю:—Пей!

Тотъ сначала какъ будто не повѣрилъ даже такому счастью. Потомъ осторожно, обѣими руками, взялъ чашку и, не отрывая губъ отъ ея краевъ, выпилъ всю до дна маленькими, медленными глотками. Старательно обтеръ губы и, глядя на телеграфиста полными признательности глазами, нѣсколько разъ съ чувстомъ повторилъ:—Хорошо. Ахъ, хорошо!—Ну подожди, еще дамъ!—раздобрился телеграфистъ.

Выпилъ Джаксыбай и еще одну чашку. Погладилъ себя ладонью по впалому животу и сказалъ:—Давно не пили. Какъ пахнетъ—и то забылъ. Ахъ, хорошо!

Примиреніе, очевидно, состоялось полное. Байгушъ присѣлъ на порогѣ комнаты телеграфиста, прислонился спиной къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Аверьянъ продолжалъ самымъ энергичнымъ образомъ звать его на работу, а онъ не двигался съ мѣста и даже не отзывался.

Тегеграфистъ стоялъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на своего гостя.

Морщины какъ будто разгладились на дряхломъ лицѣ. И чувствомъ полнаго удовлетворенія вѣяло отъ складки полуоткрытаго рта, отъ спокойно опущенныхъ сѣдыхъ бровей, даже отъ сдвинутой на затылокъ тюбитейки. Что-то вродѣ легкаго румянца показалось на коричневыхъ, покрытыхъ загаромъ щекахъ.

— Хоть картину съ него пиши!—подумалъ телеграфистъ.— Вотъ жизнь...

Послѣ длинной паузы байгушъ заговорилъ тихими, тягучими фразами, и какая-то дремотная нѣга слышалась въ его голосѣ.

— Молодъ, силенъ былъ Джаксыбай. Ахъ, красивый бай, очень красивый. И была у него байбиче Ажаръ, хорошая работница. Когда. Джаксыбай просыпался, Ажаръ поила его кумысомъ. Хорошимъ, крѣпкимъ кумысомъ, отъ котораго всѣ жилы играютъвъ тѣлѣ. И когда Джаксыбай ѣхалъ въ гости, Ажаръ тоже поила его кумысомъ. И когда онъ ложился спать, Ажаръ опять его поила. Ахъ, хорошо!

Байгушъ вздохнулъ, и вѣки у него чуть пошевелились, показавъ на мгновеніе черные, зоркіе глаза.

— Теперь Джаксыбай—бѣдный байгуша. Онъ похожъ на собаку. И онъ опять пилъ кумысъ, крѣпкііі кумысъ. Урусъ чиновникъ—хорошій человѣкъ.

Такъ и не пошелъ Джаксыбай чистить дворъ. Просидѣлъ на порогѣ, въ одной и той-же позѣ, до самаго вечера, а когда солнце закатилось, и красная заря поднялась на безоблачномъ небѣ, медленно пошелъ домой.

Телеграфистъ долго провожалъ глазами его слегка сгорбленную фигуру, рѣзко выдѣлявшуюся на однообразномъ фонѣ степи.

Вотъ онъ отошелъ шаговъ тысячу отъ разъѣзда, потомъ остановился и сѣлъ, скрестивъ ноги. Такъ онъ походилъ издали на каменнаго бурхана.

Пропала заря на небѣ, и сумерки сгустились, а Джаксыбай все сидѣлъ. Опустилась на землю душная сѣрая ночь и скрыла его своей тѣнью.

Черезъ день байгушъ вычистилъ дворъ, натаскалъ дровъ въ кухню, протеръ даже стекла въ стрѣлочныхъ фо-

наряхъ. И каждый разъ, какъ проходилъ мимо телеграфиста, прикладывалъ руки къ животу и весело улыбался.

Потянулись опять длинные пыльные дни съ короткими душными ночами. Обитатели разъѣзда въ рѣдкія минуты отдыха ссорились отъ скуки. Болѣзненный младшій телеграфистъ опять началъ прихварывать. Старшій читалъ газету, которую выписывалъ въ складчину съ начальникомъ, и злился, что ихъ Горькій разъѣздъ такъ далекъ и отъ постепенно разливающагося по всей странѣ освободительнаго движенія, да и отъ всякой жизни.

Одинъ разъ жена начальника вернулась съ обычной поѣздки на сосѣдню станціюю и разсказала, что тамъ было политическое собраніе. Глаза у нея горѣли восторгомъ, и вся она никакъ не могла еще оправиться отъ пережитыхъ ощущеній.

— Вы знаете, тамъ былъ одинъ пріѣзжій ораторъ и говорилъ... Какъ онъ хорошо говорилъ! И когда онъ кончилъ, то всѣ, понимаете-ли всѣ, поняли, что революція близко и что мы побѣдили. Такъ стало весело, хорошо, и я сдѣлалась даже какая-то легкая, легкая—совсѣмъ какъ дѣвочка. Потомъ говорилъ врачъ, но гораздо хуже, потому-что онъ трусъ и не хочетъ соціализма. Пріѣзжій съ нимъ заспорилъ и разбилъ вдребезги... А послѣ рѣчей начали пѣть. Никто не умѣлъ, но все таки выходило хорошо... Особенно марсельеза. Были рабочіе изъ депо: такіе славные... Они очень умные и вполнѣ сознательно относятся къ движенію.

Телеграфистъ слушалъ и кусалъ губы отъ досады. Онъ тоже могъ-бы говорить—и разбилъ-бы, пожалуй, какого-нибудь либеральнаго болтуна не хуже пріѣзжаго оратора. А вмѣсто этого нужно сидѣть на станціи въ обществѣ Аверьяна и начальника, и все движеніе такъ, пожалуй, и пройдетъ мимо него.

Аверьяна онъ уже „спропагандировалъ“ и вбилъ ему въ голову все, что только могло удержаться въ не совсѣмъ блестящемъ умѣ сторожа. Потомъ пришла очередь стрѣлочника—и больше никого не осталось. Младшій телеграфистъ ничѣмъ не интересовался, а въ свободное время предпочиталъ спать.

Между тѣмъ жажда дѣятельности была большая. Телеграфистъ самъ для себя сочинялъ прокламаціи, которыя

начальникъ торжественно сжигалъ въ печкѣ, чтобы не вышло невзначай какой-нибудь непріятности, но это была только обманчивая игра, еще болѣе раздражавшая нервы. Хотѣлось настоящаго, серьезнаго.

Хотя бы какая нибудь несчастная деревенька въ полдюжины дворовъ была по близости... Пусто, какъ въ первый день мірозданія...

Хотя бы вашего бродягу просвѣтили! — посовѣтовалъ какъ-то начальникъ.

Телеграфистъ даже немножко обидѣлся, но случилось такъ, что о политикѣ онъ съ Джаксыбаемъ все-таки заговорилъ.

На востокѣ заключили миръ, и обитатели разъѣзда на нѣсколько дней перестали даже ссориться, обсуждая эту новую тему. Говорили о позорныхъ условіяхъ, о скрытой контрибуціи. Жена начальника ѣздила на новый митингъ, и оказалось, что тамъ говорили о томъ-же.

Пришелъ Джаксыбай, и телеграфистъ спросилъ его:— Слышалъ, старикъ?—Ничего не слышали.

— Миръ заключенъ. Да ты знаешь, что война-то была? Знаемъ. Шибко били.—Ну, вотъ. Такъ больше не будутъ воевать. Помирились. Байгушъ сочувственно покивалъ головой.—Хорошо. Кайсакъ много дрался—слабъ сталъ. Урусъ дерется—тоже слабъ будетъ.

Телеграфистъ разсказалъ Джаксыбаю, изъ за чего началась война, и какъ много русскіе потеряли, благодаря этому пораженію.

— Мало давали—не хотѣлъ. Больше захотѣлъ—все отобрали!—резюмировалъ байгушъ.—Худо. Урусъ человѣкъ хорошъ, а чиновникъ у него не хорошъ. Шибко жадный.

Телеграфистъ даже присвистнулъ отъ удивленія, уловивъ въ своемъ собесѣдникѣ такую глубину политической сознательности.

— А знаешь, что теперь русскіе хотятъ сдѣлать? Убрать долой чиновниковъ и вмѣсто нихъ посадить выборныхъ. Вотъ такъ, какъ у васъ въ степи біевъ выбираютъ. Только выбирать должны всѣ: и бѣдные, и богатые. Тогда все будетъ. дѣлаться на пользу всего народа, а не однихъ чиновниковъ. Даже и ты, старикъ, лучше заживешь. Не будешь цѣлый годъ работать за одну новую рубашку.

—Ой, трудно!—вздохнулъ Джаксыбай.—Чиновникъ—сильный.—Народъ сильнѣе. Надо только дружно взяться.—Нельзя дружно. Волостной къ себѣ тянетъ, байгушъ къ себѣ. Всякому свое надо.—Богатый—одинъ, а бѣдныхъ—тысячи. Бѣдные, если поймутъ, гдѣ ихъ польза, всегда свое возьмутъ.—Трудно. Богатый за деньги правду купитъ. А мы что будемъ давать? Рубашку давать? Голыхъ нигдѣ не пустятъ.—Вотъ вѣдь какой ты... Причемъ тутъ рубашка? Подожди, я тебѣ разскажу подробнѣе...

И телеграфистъ незамѣтно увлекся пропагандой. Ему начинало теперь казаться, что поставить грязнаго байгуша въ курсъ текущихъ событій—совсѣмъ уже не такъ глупо, какъ думаетъ начальникъ. Прежде всего, сдѣлать это довольно таки трудно, а преодолѣть всякую трудность—пріятно. Кромѣ того, ничего нельзя предугадать заранѣе. Можетъ быть, и байгушъ для чего-нибудь пригодится.

Первыми уроками телеграфистъ остался недоволенъ. Джаксыбай въ совершенствѣ зналъ свою родную степь, и ему, между прочимъ, совсѣмъ не мудрено было освоиться съ выборнымъ способомъ правленія, но зато цивилизованную жизнь онъ зналъ однимъ только маленькимъ краешкомъ и поэтому представлялъ ее себѣ въ самомъ искаженномъ видѣ.

Зналъ онъ уѣздныхъ начальниковъ вмѣстѣ со всякой административной мелкой сошкой. Зналъ онъ еще, что есть переселенцы, у которыхъ нѣтъ земли дома и которымъ поэтому понадобились киргизскія пастбища. Слышалъ еще отъ достовѣрныхъ людей, что гдѣ-то далеко-далеко есть бѣлый царь, который даетъ волостнымъ управителямъ медали и почетные халаты. Слышалъ также, что есть еще какія-то другія страны, гдѣ люди не говорятъ ни по-киргизски, ни по-русски, но чѣмъ онѣ отличаются—неизвѣстно. Изъ такихъ отрывочныхъ свѣдѣній онъ иногда составлялъ, правда, довольно остроумныя и правдоподобныя картинки, но для пониманія политическаго момента этого было все-таки мало.

Больше всѣхъ выручалъ уѣздный начальникъ. Онъ былъ всего ближе и всего понятнѣе, а между тѣмъ воплощалъ въ себѣ, до извѣстной степени, цѣлую систему. Уѣздный казнилъ и миловалъ, бралъ и давалъ, рѣшалъ и связывалъ.

А такъ какъ бралъ онъ много, а давалъ только волостнымъ царскія медали, казнилъ непрерывно, а миловалъ въ исключительныхъ случаяхъ и, вообще неуклонно проводилъ принципы твердой власти, то байгушъ давно уже составилъ себѣ о чиновникахъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе. Во первыхъ—въ ихъ рукахъ была вся сила, а во вторыхъ—безъ нихъ жилось бы значительно лучше.

Если бы бѣдному народу удалось добыть такихъ чиновниковъ, которыхъ богатые не могли бы купить за свои деньги, то жилось бы, пожалуй, довольно хорошо. Но едва ли это случится. Джаксыбай сомнѣвался. Онъ ждалъ помощи откуда-то сверху, отъ неопредѣленной и невѣдомой силы, стоящей выше всего живущаго, которая въ одинъ прекрасный день внезапно и сразу измѣнитъ всѣ существующія отношенія. Съ этой теоріи сбить его было трудно, а тутъ еще явились другія осложненія, помѣшавшіе телегрефисту закончить курсъ его образованія.

Полупьяной оравой начали возвращаться съ войны измученные, изголодавшіеся, оборванные запасные. Они несли съ собой стихійную силу протеста и разрушенія, вскормленную тяжелой военной жизнью. Каждый ничтожный поводъ возбуждалъ ихъ и приводилъ зачастую къ дикимъ эксцессамъ, заставляя платиться ни въ чемъ не повинныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ за чужіе грѣхи и преступленія.

Пошла суматоха. Путались расписанія, забивались поѣздами разъѣзды. Если и прежде у служащихъ Горькаго разъѣзда было мало свободнаго времени, то теперь уже они начали совсѣмъ валиться отъ усталости. И отнимала время и силы, въ сущности, не полезное и нужное дѣло, а именно та сумятица, которая пришла съ востока и напоминала полную анархію.

Охотничьи экскурсіи, посѣщенія зимовки, бесѣды съ байгушемъ, газеты, брошюры—все это кануло для телеграфиста въ область свѣтлыхъ преданій прошлаго. Не каждыя сутки удавалось даже порядочно выспаться и съ затуманенной головой, съ безсильными отъ усталости руками приходилось зачастую подниматься среди прерваннаго сна, чтобы опять сѣсть за работу.

Въ такомъ чаду прошла и осень. Изъ низко ползущихъ

тучъ зачастили дожди, которые не могли уже воскресить выгорѣвшую, желтую степь. Пелена мутнаго тумана ползла по утрамъ отъ горькихъ озеръ къ востоку. Маленькія березовыя рощицы передъ разъѣздомъ пожелтѣли, и кружево ихъ вѣтвей дѣлалось все прозрачнѣе.

Старый байгушъ приходилъ попрежнему посмотрѣть, какъ живутъ люди на разъѣздѣ, но никто уже не обращалъ на него никакого вниманія.

Джаксыбай смотрѣлъ со стороны на суету, качалъ головой и сочувственно вздыхалъ. Одинъ разъ забрался на платформу какъ разъ во время стоянки воинскаго поѣзда. Тамъ его чуть-чуть не побили—просто такъ, потому что подъ руку подвернулся. Байгушъ ушелъ домой съ новой прорѣхой на рубашкѣ и послѣ такого опыта сдѣлался осторожнѣе.

Въ началѣ октября выпалъ первый снѣгъ—мокрый, тяжелый. На нѣсколько часовъ степь побѣлѣла. Только рѣдкой щеткой торчалъ изъ подъ бѣлой пелены высохшій бурьянъ, да темнѣли, какъ будто налитыя чернилами, озера. Потомъ пригрѣло солнце, снѣгъ стаялъ, и озера опять посвѣтлѣли, а въ воздухѣ запахло весной.

Джаксыбай попрежнему ходилъ босикомъ, въ тонкой холщевой одеждѣ, и дрожалъ отъ холода. Для него осенній сезонъ, повидимому, еще не наступилъ.

А тѣмъ временемъ далеко, на западѣ, совершалось великое дѣло, и отголоски его докатились, наконецъ, и до Горькаго разъѣзда. Телеграфистъ воспрянулъ духомъ, и тѣни усталости сбѣжали съ его лица.

— Наконецъ... Вотъ оно начинается—настоящее!... И послѣ долгаго перерыва опять заговорилъ съ Джаксыбаемъ.—Слышалъ, старикъ? Забастовка.— Не знаемъ! покачалъ головой байгушъ. День былъ холодный, и онъ прыгалъ съ ноги на ногу передъ телеграфистомъ, чтобы немного согрѣться.— Теперь уже скоро чиновникамъ—конецъ. Понимаешь ты: весь бѣдный народъ объединился и борется вмѣстѣ за лучшую долю. Поѣзда не будутъ ходить, никто не будетъ работать, пока не добьются воли. — Ахъ, худо! — сказалъ байгушъ. — Почему худо? Очень хорошо! — Джаксыбаю худо. Просо сѣяли—ничего не родилось. Зима плохая будетъ. Сѣна, травы нѣтъ—скотъ пропадаетъ. Скоро Джаксыбая

выгонять будутъ.—Куда выгонять? Зачѣмъ?—Кушать нечего Джаксыбай—старый. Кушаетъ много, работаетъ плохо. Выгонять будутъ.

Телеграфистъ только сайчасъ увидалъ, что Джаксыбай босикомъ, и что ноги у него совсѣмъ побагровѣли отъ холода.

На душѣ у него было радостно и не хотѣлось, чтобы кто-нибудь по близости былъ очень несчастенъ. Телеграфистъ перебралъ всякій хламъ у себя въ комнатѣ, нашелъ старые, но еще довольно крѣпкіе сапоги и отдалъ ихъ байгушу. Далъ еще стараго бѣлья на портянки.

Джаксыбай сейчасъ же обулся, прошелъ для пробы нѣсколько шаговъ, и сказалъ по киргизски:—Якши! Потомъ ласково погладилъ телеграфиста по плечу и прибавилъ:—Джаксыбай всегда добро помнитъ. Аллахъ поможетъ—отплатимъ. Теперь тепло будетъ, хорошо. Аксакалъ тулупъ дастъ. Проживемъ.—Ну, вотъ... И живи себѣ. Скоро всѣмъ хорошо будетъ. Потерпи, старикъ.

На другой день байгушъ пришелъ, дѣйствительно, въ порванномъ бараньемъ тулупѣ, но на ногахъ у него были уже, вмѣсто хорошихъ русскихъ сапоговъ, скверные, стоптанные чувяки.

— Аксакалъ взялъ!—объяснилъ онъ удивленному телеграфисту.—Не хотѣлъ тулупъ давать. А за сапоги далъ. Такъ тоже хорошо будетъ.— Свинья онъ, твой аксакалъ!—разсердился телеграфистъ.—Онъ, пожалуй, тебя и въ самомъ дѣлѣ среди зимы на улицу выброситъ...—Воля есть?—спросилъ байгушъ.— Скоро захотѣлъ! Подожди еще недѣльку—другую. Они за свое крѣпко держатся—Ничего не будетъ!—не повѣрилъ байгушъ. Сидишь—руки сложилъ. Онъ тоже будетъ сидѣть. У него денегъ много. Пересидитъ. А ты кушать захочешь.—Не такъ это просто, старикъ. Мы—сильнѣе.

Байгушъ никакъ не могъ постичь смысла забастовки. Онъ совершенно не былъ знакомъ съ культурными производственными отношеніями и поэтому не понималъ, какое значеніе можетъ имѣть для власть имущихъ остановка всей промышленной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, инстиктивно онъ сочувствовалъ и этой формѣ борьбы.

— Ахъ, хорошо! Начальникъ пріѣдетъ—давай деньги!

Нѣтъ деньги. Давай лошадей! Нѣтъ лошадей. Начальникъ пѣшкомъ пойдетъ. Давай кумысу! Нѣтъ кумысу. Начальникъ помретъ въ степи, какъ собака. Хорошо!

До сихъ поръ къ нему приходили извѣстія объ освободительномъ движеніи только съ одной стороны—съ разъѣзда. Джатаки на зимовкѣ жили изолированной жизнью, никто съ ними не знался, и вѣстей ни откуда они не получали. Но за послѣднее время въ степи пошло глухое броженіе. Говорили что-то о новыхъ законахъ, о томъ, что возстановятъ старое выборное управленіе, а уѣздныхъ начальниковъ совсѣмъ не будетъ. А съ другой стороны носились слухи, что всѣхъ киргизъ заставятъ жить осѣдло, сдѣлаться джатаками, и всю землю отберутъ въ казну. Степь настолько зашумѣла, что слухи эти дошли даже до пріютившихся на самомъ ея краю джатаковъ.

Байгушъ приходилъ къ телеграфисту и разсказывалъ ему о томъ, что говорятъ его хозяева. Телеграфистъ выслушивалъ, кое съ чѣмъ соглашался, а большую часть слуховъ рѣшительно опровергалъ.

Джаксыбай сбился съ толку. И его недоумѣніе нисколько не разсѣялось, когда въ одинъ прекрасный день телеграфистъ объявилъ ему: Есть воля! Добыли!—Чиновниковъ не будетъ?—Не будетъ. То есть, пока, конечно... На нѣкоторое время еще останутся. Но мы уже добьемся теперь, что-бы они никому не вредили.—Сейчасъ есть чиновники?—Настаивалъ Джаксыбай. — Есть еще. — Плохо. Когда совсѣмъ не будетъ—тогда хорошо.

Проходили экстренные поѣзда съ красными флагами на паровозахъ. Телеграфистъ вырвался таки одинъ разъ на сосѣднюю станцію и отвелъ тамъ душу на большомъ митингѣ. Говорилъ много и горячо, призывалъ къ дальнѣйшей борьбѣ и, въ видѣ иллюстраціи, привелъ свой послѣдній разговоръ со старымъ байгушемъ.

— Товарищи, полудикій киргизъ разсудилъ правильно. Мы не должны складывать оружія: не взята послѣдняя позиція врага. Мы имѣемъ пока только обѣщанія, хорошія обѣщанія. Мы видимъ настоящую, законную свободу еще только вдали, а пока если и держимъ ее въ рукахъ, то захватнымъ порядкомъ. Не сдавайтесь! Не давайте себя ослѣ-

пить, чтобы потомъ оказаться связанными по рукамъ и ногамъ...

Его долговязая, нескладная фигура въ форменной тужуркѣ возвышалась на столярномъ верстакѣ, изображавшемъ трибуну, въ продолженіе, цѣлаго часа и, когда онъ кончилъ, его проводили громовыми апплодисментами. И всѣ были довольны тѣмъ, что и на самыхъ глухихъ разъѣздахъ тоже находятся люди, которые не отстаютъ отъ жизни, а могутъ еще и другихъ научить, какъ надо жить и чего добиваться.

Собраніе вынесло ту резолюцію, которую поддерживалъ телеграфистъ, и вынесло почти единогласно. Только врачъ изъ сосѣдняго села со своими немногочисленными единомышлнниками составлялъ оппозицію слишкомъ рѣзкой, по его мнѣнію, постановкѣ вопроса.

Домой телеграфистъ возвращался вмѣстѣ съ женой начальника. Она смотрѣла на него влюбленными глазами и ей было досадно, что подъ некрасивой внѣшностью она такъ долго не видала интереснаго человѣка. Телеграфистъ замѣтилъ эти взгляды, но былъ холоденъ, какъ ледъ. Теперь, послѣ удачнаго дебюта, его окончательно интересовала уже одна только политика.

Въ свободное время онъ сочинялъ прокламаціи и статьи, и уже не читалъ ихъ начальнику, а отправлялъ по адресамъ, которые получилъ на митингѣ.

Байгушъ ходилъ на разъѣздъ, уныло заглядывалъ въ окна, терся на платформѣ.

Опять никто имъ не интересовался и никому онъ не былъ нуженъ.

Холода крѣпчали. Горькія озера замерзали и покрылись первымъ, тонкимъ слоемъ снѣга. Съ березовой рощи облетѣли послѣдніе листья. На вѣтвяхъ ночевали вороны, а днемъ онѣ кружились между разѣздомъ и зимовкой, разыскивая добычу. На разъѣздѣ имъ кое-что еще перепадало изъ мусорной кучи у кухонныхъ дверей, но зимовку онѣ посѣщали напрасно. Тамъ люди собирались голодать и когда ѣли, то уничтожали все, что только можно было проглотить.

Поздная осень стояла насмурная, снѣжная и сулила тяжелую зиму.

Послѣ дней оживленія и радости, послѣ первыхъ дней

свободы, вдругъ пронеслось въ воздухѣ что-то роковое, зловѣщее.

Тамъ, повсюду, на востокѣ и на западѣ, громили, жгли, уничтожали. Казалось, разошелся по всей землѣ запахъ свѣжей, дымящейся крови и разнесъ съ собою страхъ за настоящее и ужасъ передъ будущимъ.

Старшій телеграфистъ сидѣлъ за аппаратомъ, когда онъ выстучалъ странныя, казавшіяся невѣроятными слова: Карательный поѣздъ.

Это была первая вѣсть, а за нею, впродолженіи цѣлаго дня, слѣдовали другія.—Такихъ то взяли въ поѣздъ.—Обѣщали казнить.—Разстрѣляли.—Везутъ висѣлицу. Вѣсти все приближались. И поздно вечеромъ, съ сосѣдней большой станціи, пришла послѣдняя:—Забираютъ по списку. Есть ваша фамилія. Грозитъ смертью. Скройтесь на время проѣзда.

Старшій передалъ дежурство младшему телеграфисту и показалъ начальнику обрывокъ длинной бумажной ленты съ ровными, спокойными черточками. Начальникъ поблѣднѣлъ и смялъ ее дрожащими пальцами.—Какъ же вы теперь? Телеграфистъ пожалъ плечами, и отъ этого движенія у него самого холодъ побѣжалъ по спинѣ.—Нужно уйти куда нибудь. Зачѣмъ лѣзть на рожонъ. У нихъ ружья... Борьба неравная. Старался говорить спокойно и даже съ усмѣшкой, а губы прыгали.—Куда же вы уйдете теперь? Ночью? Вѣдь здѣсь пустыня?...—Все равно... куда нибудь... Вѣдь это не надолго.

Передъ уходомъ зашелъ въ свою комнату и, съ помощью начальника, сжегъ въ печкѣ всѣ бумаги, письма, черновики. И жутко стало послѣ этого: какъ будто сгорѣли надежды

Начальникъ боялся и плакалъ отъ страха. Пожалъ руку телеграфисту.

— Дай вамъ Богъ счастья, голубчикъ... А все таки... говорилъ я вамъ... что не къ добру это... такъ легко. Видите... заманили.

Въ степи собиралась пурга. Сырой снѣгъ хлесталъ въ окна и залѣплялъ стекла бѣлыми комьями. Телеграфистъ надѣлъ валенки, шубу, мѣховую шапку. Хотѣлось бросить все и поскорѣе уйти, потому что въ темной степи было теперь лучше, чѣмъ въ свѣтлой и теплой комнатѣ, но на-

чальникъ смотрѣлъ на него и—нельзя было показаться трусомъ.

Въ тѣсныхъ сѣняхъ вдругъ кто-то обхватилъ его тонкими руками, прижался губами къ лицу.

— Милый... герой... Люблю тебя! Теперь все равно... можетъ быть, умремъ всѣ... Хочу сама сказать... Милый!

Телеграфистъ вырвался, распахнулъ дверь.

Вѣтеръ забрался подъ шубу, лицо сразу вымолкло. Черная темнота, полная неясными снѣжными призраками, смотрѣла въ ослѣпленные вѣтромъ глаза.

Куда идти?

Телеграфистъ отошелъ нѣсколько десятковъ шаговъ по направленію къ степи и оглянулся. Разъѣздъ уже пропалъ изъ глазъ и слился съ общимъ хаосомъ. Только три освѣщенныхъ окна выпукло отдѣлялись красноватыми прямоугольниками. Передъ ними, слѣва направо, быстро мелькали снѣжныя хлопья.

Отойти еще нѣсколько шаговъ и остаться здѣсь, пока не проѣдутъ... Все равно не увидятъ. А если вышлютъ цѣпь и всю тьму обшарятъ штыками?

Нѣтъ, нужно идти.

Телеграфистъ поплелся впередъ безъ дороги и цѣли, спотыкаясь въ сугробахъ. Нѣсколько разъ ему казалось, что онъ сбивается съ прямого направленія и онъ то и дѣло поворачивалъ туда и сюда. Черезъ четвертъ часа онъ не зналъ уже, гдѣ степь и гдѣ колея желѣзной дороги, и не удивился, когда три свѣтлыхъ прямоугольника опять мелькнули впереди.

Его начинало охватывать малодушное отчаяніе.

— Значитъ, судьба... все равно. Придти и отдаться... Развѣ мало жертвъ... если нужно искупить тѣ дни...

Никогда не бывалъ онъ еще въ степи бурной зимней ночью. И она пугала его своей безконечной, ничѣмъ не заполненной широтой, парализовала волю, лишала силъ.

Кто-то шелъ навстрѣчу. Выплыло изъ темноты сѣроватое пятно, сухой, короткій кашель чуть донесся сквозь вой вѣтра.

Вѣроятно, солдатъ. Нашли. Сейчасъ схватятъ.

Пятно приблизилось почти вплотную и остановилось внезапно, какъ будто испуганное. Телеграфистъ вглядѣлся

пристальнѣе и, вмѣсто солдатской шинели, увидѣлъ рваную овчину. И отъ человѣка пахнуло запахомъ, специфическимъ запахомъ байгуша, который цѣлый годъ носилъ одну рубаху.

— Джаксыбай! Ты?—Мы. Кусокъ хлѣба брали, домой идемъ. Зачѣмъ поздно ходишь?

Такимъ желаннымъ и роднымъ сдѣлался вдругъ старый байгушъ. Онъ по степи съ завязанными глазами можетъ ходить. Онъ выручитъ.

— Меня ловятъ, старикъ. Чиновники ловятъ. Хотятъ убить за то, что мы воли добивались.—Ой, худо!—сказалъ байгушъ.—Гулять надо. Далеко гулять.—Сведи меня въ зимовку. Я тамъ пробуду день, другой. Потомъ вернусь.

Джаксыбай помолчалъ немного и отвѣтилъ: Въ зимовку нельзя. Аксакалъ—плохой человѣкъ. Ему чиновникъ дастъ пять рублей—онъ тебя продастъ чиновнику. Шибко голодный: деньги надо... Гуляемъ дальше.

Телеграфистъ послушно пошелъ за байгушемъ. Шли долго, не останавливаясь, не переводя дыханія. Телеграфисту казалось, что они все время безсмысленно топчутся на одномъ мѣстѣ, но байгушъ увѣренно выбиралъ дорогу по одному ему извѣстнымъ признакамъ и по временамъ подбадривалъ своего спутника короткими фразами, половину которыхъ уносилъ вѣтеръ.

— Шибче ходимъ. Лучше, не замерзнешь.

Шли цѣлый часъ, можетъ быть—больше. Телеграфистъ думалъ, что вся ночь прошла въ этой ходьбѣ и ждалъ, что скоро уже забрежжится заря. Потная рубашка прилипла къ тѣлу, а за воротникъ одна за другою текли капельки ледяной воды.

Скоро не хватитъ силъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, прикончили бы сразу. Тутъ будешь погибать долго, мучительно. И куда онъ ведетъ, этотъ байгушъ? Можетъ быть, ему тоже нужны пять рублей.

Джаксыбай остановился и удовлетворенно сказалъ: Дома.

Что-то вродѣ высокаго, конусообразнаго сугроба виднѣлось впереди.—Что это такое?—Молушка. У святого въ гостяхъ будемъ. Онъ не продастъ. Съ трудомъ пробрались въ низкую дверь, продѣланную въ каменной стѣнѣ молушки

и телеграфистъ съ удовольствіемъ ощутилъ у себя подъ ногами сухую, твердую землю вмѣсто мокраго снѣга.

Джексыбай уже возился надъ чѣмъ то ощупью въ одномъ изъ угловъ. Слышалось его тяжелое, хрипловатое дыханіе вмѣстѣ съ трескомъ ломающагося сухого дерева.—Спичку дай!

Къ счастью, телеграфистъ курилъ, и спички у него всегда были въ карманѣ. Байгушъ развелъ маленькій костеръ изъ припасеннаго въ углу сухого камыша и хворосту.—Садись. Глаза ѣсть не будетъ. Дымъ собирался у сводчатого потолка и порывами выносился въ маленькое отверстіе у самой вершины свода. Внизу воздухъ оставался довольно чистымъ. Телеграфистъ присѣлъ на связку камыша и внимательно присмотрѣлся къ обстановкѣ.

Старыя, голыя стѣны, сложенныя безъ цемента. Какимъ-то чудомъ держится куполъ на такихъ стѣнахъ. У самыхъ дверей намело маленькую грядку снѣга, но дальше было сухо и чисто. Плотно утрамбованный глиняный полъ надежно хранитъ подъ собою останки батыря. Весело трещалъ огонь, острыми языками охватывая валежникъ.

Сдѣлалось веселѣе.

— А святой не разсердится?—усмѣхнулся телеграфистъ.—Не разсердится, серьезно отвѣтилъ байгушъ. — Если нужда есть—можно ходить. Нужды нѣтъ—не надо.—Почему здѣсь трова лежатъ?—Надо. Кайсакъ ѣдетъ степью—замерзнетъ. Въ молушку пришелъ, согрѣлся. Хорошо!

Помолчали. У телеграфиста мысли еще путались въ головѣ отъ усталости и волненія. Киргизъ опять принялся что-то устраивать, часто и тяжело вздыхая. Телеграфистъ посмотрѣлъ. Оказалось, байгушъ смастерилъ изъ камыша нѣчто вродѣ постели.

— Ложись. Спать будешь.—Не хочу я. Послѣ... Спасибо тебѣ за хлопоты.—Не хочешь—какъ хочешь. А спасибо—нельзя. Я—хозяинъ, ты гость.

Джаксыбай присѣлъ у костра на корточки и бросилъ въ огонь новую связку хворосту. Красные отблески заиграли на его морщинистомъ лицѣ и двумя свѣтлыми точками вспыхнули въ прищуренныхъ глазахъ. Онъ былъ похожъ теперь, въ мрачной обстановкѣ молушки, на стараго кол-

дуна, а губы у него беззвучно шевелились, словно нашептывали заклинанія.

— Что ты шепчешь, Джаксыбай?—Молимся. Алканъ-батырь спитъ. Если бы всталъ—все бы хорошо было. Взялъ-бы всѣ чиновники въ одну руку, ударилъ объ землю—убилъ. Ахъ хорошо! Покачалъ головой и спросилъ:—Убивать хотятъ?—Да.—За что тебя убивать? Ты добрый. Комара любишь. Байгушу кумыса давалъ. Кому худо дѣлалъ? Вздохнулъ еще разъ и поднялся.—Домой идемъ. Завтра работать будемъ. Потомъ тебѣ кушать принесемъ. Живи тутъ. Святой поможетъ.

Телеграфисту показалось жутко остаться одному въ пустой молушкѣ, наединѣ со своими думами.

— Не уходи, Джаксыбай. Останься!—Нѣтъ, пойдемъ. Джаксыбай—старый. Скоро его погонятъ. Много работать будемъ—дольше не выгонятъ. Спи... Завтра придемъ.

Низкая дверь проглотила его. Телеграфистъ легъ на приготовленную постель, спряталъ кисти рукъ въ рукавй и, не отрываясь, смотрѣлъ на огонь. Мерещились въ шумѣ бури какіе то крики, выстрѣлы. Тамъ, можетъ быть, казнятъ, убиваютъ, за то, что они не хотятъ выдать преступника. Та, сумашедшая, которая цѣловалась въ темныхъ сѣняхъ, могла проговориться, что нибудь налгать на себя.

А что, если ночью придутъ волки и загрызутъ его, соннаго?

Усталость пересилила. Скоро телеграфистъ уснулъ. Чудилось ему, что его ведутъ куда-то узкими, кривыми переулками. Ставятъ къ стѣнѣ. И жадно щелкаютъ ружейные затворы, а стальныя дула глядятъ въ упоръ маленькими, немигающими глазами и обѣщаютъ смерть. Онъ просыпался весь въ холодномъ поту, подбрасывалъ дровъ въ костеръ и опять засыпалъ.

Утромъ бушевала такая-же пурга. Дровъ осталось уже немного, и, когда совсѣмъ разсвѣло, телеграфистъ загасилъ костеръ.

Время тянулось медленно. Въ полдень пришелъ Джаксыбай, принесъ изготовленный на разъѣздѣ обѣдъ: хлѣбъ и кусокъ остывшаго мяса. Потомъ изъ кармана досталъ что-то завернутое въ бумажку.—Барыня давала. Сладкое.

Въ бумажкѣ оказались конфеты, а между ними—малень-

кая, сложенная квадратикомъ записка. Писала жена начальника.

„Милый! поѣздъ прошелъ ночью. Тебя очень искали, но мужъ сказалъ, что ты еще вчера утромъ уѣхалъ на востокъ. Они очень ругались и обѣщали всѣхъ разстрѣлять, но потомъ уѣхали. А ты не возвращайся раньше завтрашняго дня, мой милый, дорогой, хорошій!“

— Возьми конфеты! — сказалъ телеграфистъ Джаксыбаю и бросилъ записку въ костеръ. Потомъ онъ раздѣлилъ пополамъ мясо и хлѣбъ, и они вмѣстѣ пообѣдали.

Вечеромъ Джаксыбай пришелъ еще разъ и принесъ, сгибаясь подъ тяжестью, огромную вязанку камышу.—Возьми. Ночью замерзнешь.

Но въ эту ночь телеграфистъ совсѣмъ не спалъ. Смотрѣлъ на костеръ и напряженно думалъ, потомъ писалъ что-то въ своей записной книжкѣ. Среди ночи подкрался къ дверямъ молушки кто-то большой и мохнатый, — волкъ или бродячая собака. Жалобно визгнулъ и скрылся.

Утромъ явился байгушъ и позвалъ: Пойдемъ домой.

Непогода, наконецъ, улеглась. Сильно потеплѣло и къ валенкамъ телеграфиста прилипали большія комья совсѣмъ талаго снѣга. Въ прозрачномъ воздухѣ выплывали на горизонтѣ красныя крыши разъѣзда.

— Такъ близко... Такъ близко была смерть. Джаксыбай какъ будто угадалъ его мысли. — Ой, худо! Долго ждалъ— ничего не дождался. Теперь помирать надо.

Дома жена начальника все старалась увидѣть телеграфиста наединѣ. Онъ выждалъ удобную минуту и сказалъ ей коротко и сухо: — Все это глупости, и я васъ совсѣмъ не люблю.

Наружно обычная служебная жизнь скоро вошла въ свою колею. Но телеграфистъ зналъ, что его дѣло еще не кончилось и ждалъ увольненія или суда. Хотѣлъ было уѣхать, но начальникъ слезно упрашивалъ его остаться, пока все не выяснится опредѣленно.

— Погодите, голубчикъ! Хуже только себѣ сдѣлаете... А въ случаѣ чего, всегда успѣете... Предупредятъ, вѣдь!

И телеграфистъ остался. Послѣ лихорадочнаго нервнаго подъема дней свободы его охватила жестокая апатія. Въ скорую побѣду онъ не вѣрилъ. Беззастѣнчивая побѣда гру-

бой силы какъ-то придавила его. Временами ему хотѣлось что бы его поскорѣе арестовали, сослали потомъ безъ суда куда-нибудь въ еще болѣе глухую пустыню, куда не доходятъ ни книги, ни газеты, гдѣ не слышны даже самые слабые отголоски жизни.

А Джаксыбай продолжалъ свои обычные визиты и жаловался, что джатакамъ уже нечего ѣсть, что послѣдній скотъ пропадаетъ, а его, байгуша, скоро выгонятъ въ степь. Телеграфистъ слушалъ, и въ его сердцѣ теперь уже не такъ больно шевелилась жалость.

Что такое представляетъ горе какого-то стараго киргиза, которому давно пора умереть, въ сравненіи съ тѣмъ горемъ, которое охватило всю страну, оледенило души, умертвило умы, отъ торжества побѣды бросило къ новой отчаянной борьбѣ, къ новымъ мукамъ?..

Пришла, наконецъ, бумага изъ управленія съ извѣщеніемъ объ увольненіи отъ службы, со ссылками на множество пунктовъ разныхъ законовъ и циркуляровъ. Телеграфистъ въ тотъ же день уложилъ свои вещи и рѣшилъ уѣхать въ „Россію“ со слѣдующимъ утреннимъ поѣздомъ.

Весь вечеръ писалъ письма, потомъ легъ спать.

Въ молушкѣ онъ, должно быть, простудился и получилъ ревматизмъ. Суставы ныли, и какая-то стрѣляющая боль пронизывала все тѣло. Немного знобило. Телеграфистъ укрылся поверхъ одѣяла еще шубой и, согрѣтый, задремалъ.

Сквозь дремоту онъ услыхалъ, какъ кто-то робко скребется въ дверь его комнаты, выходившую въ холодныя сѣни. Поздній посѣтитель пытался, повидимому, открыть ее и не могъ, потому что дверь была заперта извнутри на крючекъ.

— Кто тамъ?—недовольно спросилъ телеграфистъ. Молчаніе. Только скребущіе звуки опять возобновились послѣ маленькой паузы. — Да кто же тамъ? — еще сердитѣе крикнулъ телеграфистъ. — Мы, Джаксыбай! — отозвался изъ за двери глухой голосъ.—Чего тебѣ нужно?—Аксакалъ прогонялъ. Говоритъ: гуляй, кушать нечего. Въ молушкѣ дровъ нѣту. Сгорѣли. Холодно Джаксыбаю.—Пустить?—подумалъ телеграфистъ.

Если встать съ постели и открыть дверь, изъ которой пахнетъ холодомъ — опять заноютъ кости отъ ревматизма

А байгушъ всю ночь не дастъ спать, напуститъ насѣкомыхъ. И запахомъ отъ него несетъ сквернымъ.

— Ой, худо!—послышался вздохъ за дверью.

Помѣстить его, пожалуй, въ сторожку, къ Аверьяну. Но для этого нужно одѣться, перейти черезъ дворъ, будить соннаго сторожа. А на дворѣ опять воетъ пурга. И телеграфистъ чувствовалъ, что онъ усталъ, ужасно усталъ.

Клонила дремота. Какъ сквозь какой-то туманъ слышалъ онъ робкую возню байгуша, его голосъ, глухо доносившійся изъ за толстой двери.

— Ты чудакъ. Ты всѣхъ бѣдныхъ любишь. За нихъ шею подставлялъ. Какъ ты меня не пустишь?

Нѣтъ, нужно встать. Полежать только еще немного, минутъ пять, чтобы насладиться теплomъ и отдыхомъ. Не замерзнетъ же онъ за эти пять минутъ.

— Погоди, сейчасъ!—сонно сказалъ телеграфистъ.

Звуки затихли.

Закутанный одѣяломъ и шубой телеграфистъ грѣлся въ постели. Чудился ему большой городъ, шумъ, движеніе. И опять—красные флаги надъ головой, и опять горячо и убѣжденно говоритъ онъ внимательной толпѣ. Потомъ толпа расплылась, исчезла въ какомъ-то темномъ хаосѣ. Мелькнуло на мгновеніе обиженное личико жены начальника — и все скрылось.

Рано утромъ телеграфистъ проснулся, освѣжившійся и бодрый. Морозный, туманный разсвѣтъ смотрѣлъ въ окно. Телеграфистъ быстро одѣлся, взглянулъ на уложенные чемоданы и ему сдѣлалось еще веселѣе при мысли, что черезъ какой-нибудь часъ-другой онъ навсегда покинетъ этотъ разъѣздъ и уѣдетъ далеко, далеко, на новую жизнь, за новыми впечатлѣніями. И хорошо тоже, что все это кончилось такими пустяками и никакого суда не будетъ.

Вчера вечеромъ... Что такое было вчера вечеромъ?

Телеграфистъ остановился, какъ вкопанный, посреди комнаты и почувствовалъ, какъ что-то холодное и острое сдавило сердце.

Что было вчера вечеромъ?

Смутно, отрывками, припомнились какія-то фразы, чьи-то просьбы. Да... Это байгушъ просился переночевать, а онъ заснулъ и не пустилъ. Чувство жгучаго стыда стѣснило

дыханіе. Какая гадость!.. Впрочемъ, не остался же онъ въ сѣняхъ. Навѣрное, нашелъ себѣ гдѣ-нибудь другой пріютъ. Для него степь—тотъ же домъ.

А что, если...

Телеграфистъ подошелъ къ двери и нерѣшительно взялся за ручку. Открыть было страшно. Въ вискахъ застучало и передъ глазами побѣжали темныя пятна.

Но, вѣдь, нужно же... Все равно, нужно когда нибудь выйти изъ комнаты и увидѣть, что такое тамъ, за дверью. И, конечно, все это пустяки. Ничего не можетъ быть, тамъ—пусто. Вѣроятно, ему просто пригрезилось вечеромъ.

Что-то тяжелое навалилось съ той стороны на дверь и мѣшало открыть ее. Телеграфистъ, съ расширенными отъ страха глазами, нажалъ ее плечомъ.

Что то сдвинулось, упало. Телеграфистъ вышелъ въ сѣни.

Мертвый байгушъ лежалъ на полу, странно согнувшись подъ прямымъ угломъ. Твердое, точно каменное, лицо, борода, одежда—все было покрыто пушистымъ бѣлымъ инеемъ, а глаза широко открылись и смотрѣли куда-то вдаль, мимо телеграфиста, серьезнымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Джаксыбай! — жалобно позвалъ его телеграфистъ.— Джаксыбай, встань!

Джаксыбай молчалъ и не шевелился...

Николай Олигеръ.

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№№ 34-35

24 сентября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Тана (Изъ киргизскихъ преданій). *Н. Олигера.*
2. Казенныя хозяйственныя операціи. *Н. Скалозубова.*
3. Сомнительныя цифры. *Статистика.*
4. Черезъ десять лѣтъ.
5. Сибирскія письма: 1) Тюмень 2) Туринскъ 3) Томскъ.
6. Туруханскій „бунтъ".
7. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
8. Проѣхали. *Сурина.*
9. Якутско-Зейскій путь. *Вл. Николаева.*
10. Обозрѣніе русской жизни.
11. Хроника.
12. Сибирскій научный кружокъ при С.-Петербургскомъ университетѣ. *А. Х.*
13. Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.
14. Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

ТАҢА.

(Изъ киргизскихъ преданій).

Въ степныхъ предгорьяхъ, не такъ далеко отъ китайской границы, на вершинѣ высокаго голаго холма стоитъ могила. Сложена она массивно и прочно. Камни еще не вывѣтрились и, если не тронетъ ее какая-нибудь досужая русская рука, она простоитъ еще много вѣковъ.

Тотъ, кто лежитъ здѣсь, умеръ еще не такъ давно, умеръ глубокимъ старикомъ.

Имени его не упоминаютъ въ числѣ великихъ батырей. Онъ не подвизался на полѣ брани, не боролся съ врагами во славу Аллаха и своего рода. И не былъ онъ также чтимымъ святымъ, не совершалъ чудесъ ни при жизни, ни послѣ смерти. Не славилъ пѣснями минувшіе годы, и голосъ его не былъ первымъ среди акыновъ.

Но во всей округѣ нѣтъ другой такой почетной могилы и ничье имя такъ не славится на сотни верстъ кругомъ у ак-найматовъ и у буринцевъ и у всѣхъ сосѣднихъ родовъ, какъ имя того, кто погребенъ подъ этими крѣпкими каменными сводами.

Здѣсь покоится вѣчнымъ сномъ старый Тана.

Жилъ нѣкогда среди найматовъ почтенный аксакалъ, награжденный отъ Аллаха многими щедротами. Имѣлъ верблюдовъ, коней и барановъ безъ числа, и каждое слово его было для всего народа вѣско, какъ чистое золото. Но никогда не даетъ Аллахъ человѣку полнаго счастья, чтобы не слишкомъ возгордился онъ духомъ, и только подъ старость наградилъ онъ почтеннаго аксакала, сверхъ всѣхъ этихъ благъ, еще и возлюбленнымъ сыномъ.

Были прежде и другія дѣти у старика, но всѣ они умирали еще у груди матери.

Дорожилъ сыномъ старый аксакалъ, воспитывалъ его по старымъ завѣтамъ, ростилъ себѣ добраго преемника. И едва исполнилось сыну четырнадцать лѣтъ, какъ уже женилъ его.

Черезъ годъ умеръ сынъ. Остался у аксакала одинъ только внукъ, едва родившійся на свѣтъ,—Танà. И въ печали отошелъ къ Аллаху старикъ скоро вслѣдъ за сыномъ.

Быстро росъ Тана, выросъ сильнымъ и крѣпкимъ. Не обиженъ былъ и умомъ, но нравъ имѣлъ крутой и гордый. Ни старшимъ почтенія, ни младшимъ узаженія не оказывалъ. Что вздумаетъ, то и дѣлаетъ, какъ съ худымъ норовомъ лошадь.

Подобралъ себѣ Тана товарищей. Всякіе люди тутъ были: и добрые батыри, и такіе, что льнутъ только къ сильнымъ, да къ богатымъ, какъ мухи къ меду.

Не было имъ никакого закона. И вѣрилъ самъ Тана крѣпко, что нѣтъ такой силы, которая бы передъ нимъ не сломилась.

Жила въ тѣ же время у буринцевъ дѣвушка Онаръ, небогатаго киргиза дочь. Въ бѣдной сѣрой юртѣ жила,—а слава о чудной дѣвушкѣ расходилась далеко, словно всѣ степные вѣтры разносили ее по краямъ свѣта.

Былъ у нея языкъ острый, какъ жало: что разъ скажетъ, то повторять уже не надо. А когда запѣвала съ самыми знаменитыми акынами—никто не могъ устоять передъ нею. Издалека пріѣзжали поспорить съ нею извѣстные всему народу пѣвцы, но, кромѣ срама, ничего не выносили изъ этого спора.

Еще ребенкомъ сосваталъ отецъ Онаръ Чорману,—и тотъ съ пяти лѣтъ выплачивалъ калымъ. Не очень великъ былъ калымъ для такой дѣвушки, какъ Онаръ. Къ семнадцати годамъ Чорманъ выплатилъ все. Отецъ-то у него былъ съ достаткомъ.

Но калымъ—калымомъ, а дѣвушкѣ женихъ не полюбился. Былъ онъ собой нехорошъ, хилый и хромой, да еще и худоумный.

Сердится Чорманъ и грозится, а Онаръ только хохочетъ.

— Не милъ ты мнѣ, а за немилаго не пойду. И что мнѣ калымъ твой? Кликну кличъ—и дадутъ мнѣ люди вдвое, чѣмъ ты самъ передалъ. Верну тебѣ все твое и еще съ прибавкой... Нѣтъ, если хочешь взять за себя Онаръ, такъ стань самъ ей ровней. Сдѣлайся добрымъ батыремъ-джигитомъ, чтобы я могла въ своихъ пѣсняхъ поминать твои подвиги. Уѣзжай сейчасъ съ глазъ долой, а какъ прославишься—возвращайся. Тогда только буду я спать съ тобой, а до того времени—не жди.

Горько Чорману, обидно Чорману. А Онаръ поетъ и смѣется: знаетъ, что не бывать Чорману джигитомъ.

Такъ и сякъ подбирался къ невѣстѣ Чорманъ,—нѣтъ, ничего не выходитъ. Твердо стоитъ на своемъ веселая дѣвушка.

Набралъ Чорманъ джигитовъ, поѣхалъ на баранту: славу добывать.

Худую голову и хорошія ноги неладно носятъ. Поймали онарова жениха на первой же барантѣ и въ дракѣ оторвали ему ухо. Добрыхъ теварищей и слѣдъ простылъ, а Чормана заковали въ путы и послали къ его отцу гонца за выкупомъ.

Скупъ былъ Чормановъ отецъ. Судился долго, но все таки за оторванное ухо взыскалъ, и выкупа пришлось доплатить самую малость.

Вернулся домой женихъ. Такую добылъ славу, что и глазъ показать никуда нельзя. Но отъ Онаръ не отказывается и калыма не беретъ обратно. Сидитъ въ своемъ аулѣ и ждетъ, чтобы прошлогодній снѣгъ назадъ вернулся.

А Тана тѣмъ временемъ проводилъ всѣ дни дома со своими друзьями. Но дни все одинаковые и друзья все тѣ-же. Скучно стало Танѣ.

Тутъ какъ разъ разсказалъ ему батырь Джеманке, что за дѣвушка такая—Онаръ. Силенъ Тана и богатъ Тана, а далеко ему до Онаръ, даромъ, что та—только дѣвушка, да еще и бѣдная.

— Ѣдемъ!—сказалъ Тана.

И отправился въ путь вдвоемъ съ вѣрнымъ Джеманке.

Ѣхали быстро, но только на третій день добрались до Онаровой юрты.

— Попусту только треплютъ языки въ народѣ!—сказалъ Тана, привязывая лошадь.—Развѣ будетъ кто хорошій жить въ этакой юртѣ?

Услышала эти слова сама Онаръ, тихонько подняла кошму и незамѣтно ушла. Заглянули путники въ юрту,—нѣтъ никого. Подали голосъ. Вышла изъ сосѣдней юрты старуха. Говорятъ ей:

— Дальніе мы. Вотъ, притомились немного и напиться захотѣлось.

— Заходите,—говоритъ старуха,—заходите, добрые люди. Есть и айранъ, и кумысъ. Только не взыщите, что мужчинъ дома нѣтъ. Одна я съ дочерью во всемъ аулѣ.

Зашли путники. Не спѣша, напились кумысу, а Онаръ все нѣтъ. Попросились отдохнуть. И это разрѣшила старуха. Отдох-

нули, какъ слѣдуетъ, а Онаръ не показывается. Начали и дальше время тянуть. Говорятъ:

— Купцы мы. Нѣтъ ли чего продажнаго: скота, шерсти и кожи? Мы купимъ.

— Какъ не быть продажному? Вотъ, подождите еще немного: пріѣдутъ мужчины.

А тѣ вернулись только къ самому вечеру. Поздно уже было табунъ смотрѣть. Остались гости ночевать.

Закололи гостямъ барана, и, какъ поспѣла ѣда, собрались всѣ домашніе, пришли дѣвушки, а съ ними и Онаръ. Поздоровались съ гостями и сѣли.

Замерло сердце у Таны. Сразу узналъ онъ Онаръ. Разъ взглянулъ—и уже глазъ отвести не можетъ. А дѣвушка ни разу и глазъ не подняла на него.

Рѣжетъ Тана мясо на куски, раздаетъ асату. Выбралъ самый лучшій кусокъ, положилъ печенки съ саломъ и подаетъ Онаръ полную горсть.

— Это тебѣ, красавица.

Взяла—не повернулась.

Старики посидѣли и въ другую юрту спать пошли. Осталась одна молодежь, завела пѣсни. Поютъ всѣ парами: по двѣ дѣвушки и по двое мужчинъ, а Онаръ одна въ сторонѣ.

— Хочешь со мной пѣть?—говоритъ Тана.

— Высоко летаешь, купецъ. Развѣ ты акынъ, чтобы со мною тягаться?

И чувствуетъ Тана, что голосъ у него прервался въ горлѣ, и не знаетъ онъ даже, какъ руками двигать. А былъ онъ красивъ и статенъ, и не одинъ женскій глазъ на него заглядывался.

— Если такъ,—говоритъ,—то спой съ моимъ товарищемъ.

— Что за честь пѣть съ торгашомъ? Похвалу пѣть—не за что, а осуждать—старыя слова повторять.

Потупилъ голову Джеманке, отошелъ подальше, чтобы не видѣла его лица злая Онаръ.

Начала собираться уходить и молодежь.

— Намъ сегодня барановъ стеречь!—говоритъ Онаръ.—Соберутся сегодня въ полѣ всѣ дѣвушки наши и джигиты. Будемъ всю ночь играть и пѣть пѣсни. А купцы съ дальней дороги устали: имъ спать пора.

— Подожди!—отвѣчаетъ Тана.—Пойду и я съ вами.

Вышли всей толпой,—и позади всѣхъ Джеманке. Сѣли на

бугрѣ около барановъ. Начинать пѣсню выпалъ жребій Онаръ,— а пары ей опять не находится. Жмутся джигиты, боятся злыхъ насмѣшекъ.

— Садись кто-нибудь! — смѣется Онаръ. — Развѣ нѣтъ настоящаго джигита между вами? Что вы всѣ, какъ зайцы передъ собакой?

Обидно стало Танѣ. Не привыкъ онъ у себя въ роду къ такимъ насмѣшкамъ. Сѣлъ противъ дѣвушки. Другіе сидятъ вокругъ, слушаютъ. Запѣла Онаръ.

„Жила въ буринскихъ табунахъ кобылица, бѣлая кобылица, красивая, какъ дѣвичій сонъ. Огнемъ горятъ ея глаза; грудь — могучая; ноги — крѣпкія, какъ желѣзо. Нѣтъ ей соперниковъ въ красотѣ. Кто лучше бѣлой кобылицы?

„Мчится по вольной степи, какъ вольный вѣтеръ, сама — вольная, не знающая сѣдла. Подъ легкой поступью едва взвивается легкая пыль. Сейчасъ была здѣсь—и уже исчезла. Нѣтъ ей соперниковъ въ быстротѣ. Кто быстрѣе бѣлой кобылицы?

„Далеко идетъ слава о кобылицѣ, бѣжитъ вмѣстѣ съ вѣтромъ, преклоняются передъ нею степныя травы. Но никто не можетъ украсть ее: все равно, нѣтъ такого жеребца, который могъ бы скакать за нею слѣдомъ. Далеко идетъ слава о кобылицѣ.

„Нѣтъ жеребца ей по сердцу, никому еще не отдавала она своего молодого тѣла. Одна пасется, одна спитъ, насторожив чуткое ухо. Не пристаетъ ни къ какому косяку, одна играетъ съ вѣтромъ на прохладной зарѣ. Нѣтъ товарища по сердцу кобылицѣ.

„Спитъ она одинокая, чуткимъ ухомъ ловитъ ночные крики, и снится ей сонъ. И видитъ во снѣ то, о чемъ мечтаетъ наяву,—одинокая, быстрая кобылица.

„Снится ей, что бѣжитъ по степи жеребецъ съ желѣзными копытами, съ шеей длинной и гибкой, какъ у верблюда. Ясные глаза блестятъ, какъ самоцвѣты, гордо поднята сухая, легкая голова. Видитъ его и дрожитъ всѣмъ стройнымъ тѣломъ кобылица.

„Раздуваются у прекраснаго коня горячія ноздри, стелется по землѣ пышный хвостъ, копыта высѣкаютъ искры изъ камня. Мчится быстро, мчится все быстрѣе,—прямо къ кобылицѣ.

„Проснулась она, оглянулась кругомъ, — нѣтъ никого. Все

тихо. Лѣниво перегоняютъ съ мѣста на мѣсто свои косяки сытые жеребцы, лѣниво щиплютъ траву. И нѣтъ среди нихъ ни одного, равнаго кобылицѣ.

„Вздохнула она глубоко, жалобно заржала, повернувшись къ востоку. Поднимается отъ земли предразсвѣтный туманъ, меркнутъ свѣтлыя звѣзды. Жалобно заржала кобылица.

„Жилъ въ найманскихъ табунахъ жеребецъ, бѣлый жеребецъ, крѣпкій, толстоногій, съ жирной, большой головой на тучной шеѣ. Глубоко запали злые глаза, свѣтится въ нихъ худой норовъ. Лѣниво ходилъ онъ среди надоѣвшихъ ему кобылицъ.

„Поднялся на холмъ, слышитъ: поетъ западный, теплый вѣтеръ, поетъ славу буринской кобылицѣ.

„Слушаетъ жеребецъ, нравятся ему пѣсни невидимаго вѣстника, спрашиваетъ онъ у западнаго вѣтра: — „Поешь ли и мнѣ гдѣ-нибудь славу?“

„— За что пѣть тебѣ славу, бѣлый жеребецъ съ жирной головой?“—Развѣ я не лучшій въ найманахъ?—„Такихъ, какъ ты—много, а она — одна!“ И дальше помчался вѣтеръ, разнося вѣсти о буринской кобылицѣ.

„— Пустое говоритъ крылатый доносчикъ!“ — думаетъ найманскій жеребецъ. Пасется у холма его косякъ, — но не любы жеребцу прежнія подруги. Сами собою влекутъ его ноги на западъ, къ буринской кобылицѣ.

„Гнутся толстыя ноги отъ непривычнаго бѣга, вспѣнились крутые бока, съ корнями выворачиваютъ мелкій кустарникъ тяжелыя копыта. Подбѣжалъ къ сѣрой юртѣ, гдѣ жилъ хозяинъ кобылицы.

„— Развѣ можетъ жить въ такомъ бѣдномъ шалашѣ хозяинъ знаменитой кобылицы? У моего хозяина въ юртѣ серебряныя кереге, бѣлыя кошмы расшиты цвѣтными узорами, шнуры и веревки изъ чистаго шелка. Въ его табунахъ самые первые скакуны и изо всѣхъ его жеребцовъ первый—я. Въ зубахъ я поднимаю матераго волка, ударомъ копыта убиваю медвѣдя. Въ глубокомъ снѣгу одинъ веду тысячный табунъ. Вотъ кому надо пѣть славу, а не буринской кобылицѣ“.

„Не докончилъ еще найманскій конь своей рѣчи, какъ увидѣлъ уже бѣлую кобылицу. Дрогнуло его сердце, помутились глубоко запавшіе глаза. Хочетъ броситься слѣдомъ и боится, что не догонитъ. А на него и смотрѣть не хочетъ бѣлая кобылица.

„—Не тотъ,—думаетъ она,—не тотъ, кто грезился мнѣ въ

предутреннемъ снѣ. Не быть ему отцомъ знаменитой породы, не побѣжитъ за нимъ покорно душистой степью бѣлая кобылица.

„Говоритъ ей найманскій жеребецъ, собравшись съ духомъ: —„У моего хозяина серебряныя сѣдла съ золочеными стременами. Пьемъ мы чистую горную воду, ѣдимъ жирный кормъ. Побѣжимъ со мной въ наши края, буду я оберегать тебя отъ волка, рыси и медвѣдя“.

„— Не нужны мнѣ твои серебряныя сѣдла, никого еще не носила я на своей прямой спинѣ. Довольно мнѣ здѣсь воды и корма,—и кто ты таковъ, чтобы я шла за тобой въ твои табуны?“—отвѣчаетъ ему кобылица.

„Гнѣвомъ загорѣлся найманскій конь, оскалилъ острые зубы, бросился впередъ, не помня себя. Звонко заржала кобылица, скокнула—и далеко позади остался жеребецъ.

„— Не тебѣ меня догнать, не тебѣ владѣть моимъ стройнымъ тѣломъ, не тебѣ охранять меня отъ дикаго звѣря, ты, найманскій увалень! Смотри, давно уже хозяйскій арканъ скучаетъ о твоей толстой шеѣ!“.

„Побрелъ потихоньку жеребецъ назадъ въ свои найманскіе табуны, къ немилому, опостылѣвшему косяку, и не ждетъ уже, чтобы западный вѣтеръ пѣлъ ему славу вмѣстѣ съ бѣлой кобылицей.

„И ходитъ она по прежнему одинокая среди буринскихъ табуновъ. Видитъ въ предразсвѣтномъ снѣ, что мчится къ ней по степи еще невиданный конь, милый ея сердцу, и звонко ржетъ бѣлая кобылица.

„Кому моя пѣсня не по нраву, пусть лучше споетъ“.

Костеръ горѣлъ ярко, освѣщалъ кончившую пѣсню Онаръ и сумрачнаго Тану. Похвалили пѣсню дѣвушки и джигиты, нетерпѣливо закричали:

— Отвѣтъ! Давай отвѣтъ, джигитъ!

Глаза у Онаръ въ свѣтѣ костра сверкаютъ, какъ звѣзды, смотрятъ лукаво и насмѣшливо.

Вспыхнулъ гнѣвомъ и самъ Тана не хуже найманскаго жеребца. Смѣло взялъ домру, перестроилъ струны. Чувствуетъ, что руки теперь дѣйствуютъ легко и свободно. Отвелъ глаза отъ Онаръ, чтобы она не смущала его своимъ взглядомъ, и запѣлъ.

Голосъ у него былъ свѣжій и сильный, хотя и никогда еще

не выступалъ Тана акыномъ. Примолкли въ тѣсномъ кружкѣ дѣвушки и джигиты, слушаютъ внимательно.

„Жила въ буринскихъ горахъ сорока, болтливая сорока. Слушали ее умныя птицы: селезень, тетеревъ, гусь, воробей и скворецъ. Слушали долго и рѣшили: нѣтъ птицы лучше нашей сороки.

„Быстра была сорока на языкъ, бойка была сорока на полетъ: столбомъ поднималась кверху. Нравилось умнымъ птицамъ сорочье стрекотанье, и рѣшили онѣ согласно: нѣтъ пѣвца лучше нашей сороки.

„Твердятъ это всюду селезень, тетеревъ, гусь, воробей и скворецъ. Только и слышно повсюду, какъ кричатъ они славу сорокѣ.

„Дуетъ вольный вѣтеръ у буринцевъ, слышитъ повсюду эту славу. Подхватилъ на свои крылья и понесъ ее дальше,—славу буринской сороки.

„Долетѣлъ до бѣлыхъ найманов, залетѣлъ въ ущелье, поднялся на скалу, гдѣ сидѣлъ найманскій беркутъ. Разсказалъ ему о славной сорокѣ.

„Услышалъ его разсказъ чуткій беркутъ, спросилъ, гдѣ живетъ такое чудо.

— „Отсюда на западъ, на Кара-Гезенѣ живетъ буринская сорока“.

„Разсказалъ все, что зналъ, и понесся дальше, напѣвая все тѣ же вѣсти. Скучно беркуту сидѣть на высокой скалѣ. Думаетъ онъ: „Посмотрю, узнаю самъ всю правду о славной сорокѣ.

„Шумно взмахнулъ крылами, снялся и полетѣлъ на западъ. Дорогой распросилъ селезня, тетерева, гуся, воробья и скворца. Слышитъ: хвалятъ всѣ въ одинъ голосъ свою сороку.

„Подлетѣлъ къ буринскимъ ауламъ, видитъ: на свѣжей пашнѣ скачетъ сорока, вертитъ длиннымъ хвостомъ, ищетъ въ землѣ жирныхъ червей.

„Опустился беркутъ пониже, думаетъ: не обманули ли его зоркіе глаза? Нѣтъ, видитъ ясно: ходитъ по пашнѣ и ищетъ червей простая болтливая сорока.

„Есть у насъ птицы и получше!“—говоритъ, кружась надъ сорокой, беркутъ—гдѣ тебѣ сравняться съ золотымъ фазаномъ, съ сиворонкой или даже съ простымъ зимородкомъ? Лживую славу о тебѣ принесъ мнѣ западный вѣтеръ, болтливая птица“.

„Разсердилась сорока, услышавъ такія рѣчи, ругалась громко, стрекотала такъ, что у беркута зазвенѣло въ ушахъ. — „Хорошо же, говоритъ онъ, и твое пѣніе. Не у соловья ли ты училась?“

„— Не знаю я никакого соловья!—отвѣчаетъ сорока.—Если онъ хочетъ, пусть самъ прилетитъ ко мнѣ учиться. Селезень, тетеревъ, гусь, воробей и скворецъ—всѣ говорятъ, что нѣтъ птицы красивѣе и нѣтъ пѣвца лучше меня, буринской сороки“.

„Не сталъ больше терять словъ беркутъ, взвился и полетѣлъ обратно на свою найманскую скалу. А по пашнѣ до сей поры ходитъ, трясетъ хвостомъ, глотаетъ червей болтливая буринская сорока.

„Кому моя пѣсня не по нраву, пусть лучше споетъ“.

— Дальше, дальше пой!“—закричалъ было кое-кто изъ молодыхъ джигитовъ.

— Много сала не съѣшь! — говоритъ Тана. И положилъ домру.

Ее сейчасъ же подхватила гордая Онаръ, такъ что струны звякнули громко и злобно.

— Не до конца допѣлъ ты свою пѣсню, найманъ!

„Полетѣлъ беркутъ обратно, да, видно, силъ не разсчиталъ. Очень уже долго сидѣлъ на своей найманской скалѣ, зажирѣлъ, весь жиромъ заплылъ, едва ворочаетъ лѣнивыми тяжелыми крыльями.

„Долетѣлъ до половины дороги, усталъ, ослабъ, бухнулся прямо въ болото. Увидѣла бѣду его буринская сорока, собрала на болотѣ селезня, тетерева, гуся, воробья и скворца. Не слышалъ ли ты, найманъ, какъ смѣялись они надъ твоимъ беркутомъ?

„Долго смѣялись, всласть смѣялись, а беркутъ лежалъ въ грязномъ болотѣ, слушалъ и злился, и стыдомъ горѣлъ.

„Сжалилась надъ нимъ буринская сорока, приказала гусю и селезню отнести его въ родныя горы. Сидитъ онъ и сейчасъ на своей скалѣ, мокрый и грязный, и никакъ не можетъ забыть о злой буринской сорокѣ.

„Кому моя пѣсня не по нраву, пусть лучше сиоетъ“.

Ночь длинна и много пѣсенъ можно пропѣть до разсвѣта. Но не слушалъ уже другихъ пѣвцовъ обиженный Тана. Вышла скоро изъ круга и красавица Онаръ.

Выбравъ минуту, Тана сказалъ ей:

— Знаю я, что у буринской сороки въ женихахъ селезень,—да еще весь общипанный, кривой и храмой. Богатства у меня довольно: скажи только слово, и я сейчасъ же верну ему калымъ и заплачу за безчестье.

— Не плачь о чужой головѣ, джигитъ! — отвѣтила ему Онаръ.—Не бывать селезню мужемъ сороки. Выйду я только за батыря, славнаго подвигами, и ни за кого другого. Разскажи мнѣ про свои дѣла, про свою удаль и отвагу,—и я полюблю тебя. Лицо твое красиво, а руки слабы. Не этими руками можно удержать Онаръ. Прикрылся ты чужимъ именемъ, но я тебя знаю. Ты—безпутный Тана, а не купецъ, и не за товаромъ пріѣхалъ, а за мною.

— Острые глаза у тебя, Онаръ, и далеко ты ими видишь. И поэтому должна знать, что будешь моей. Отниму я сороку у селезня.

— Острые глаза у меня, и вижу я всѣ твои мысли. Вижу: худое задумалъ. Но берегись: твои руки пока еще слабы, а я держу тебя крѣпко. Надѣну на тебя путы и не сниму ихъ, пока не захочу сама. Будешь ходить за мной, какъ собака, пока сама не скажу тебѣ: ступай прочь. Я—Онаръ.

Кончилась очередь Онаръ стеречь барановъ, и она ушла въ свою юрту. Ушелъ и Тана,—только не сомкнулъ глазъ во весь остатокъ ночи. Завернулся въ чапанъ, насильно закрываетъ глаза,—а все грезится ему красавица, стоитъ и передъ опущенными рѣсницами, какъ живая.

Рядомъ съ Таной легъ его батырь Джеманке, но тоже ворочается съ боку на бокъ, и слышно, какъ бормочетъ въ дремотѣ чье-то имя.

„Жалѣетъ меня вѣрный Джеманке!“—думаетъ Тана.

Прожилъ еще день Тана въ ставкѣ Онаръ, купилъ лошадей. Прожилъ другой—купилъ быковъ. Прожилъ третій—купилъ барановъ. Платитъ за все полновѣсной монетой, не торгуясь.

Старый отецъ Онаръ хвалитъ покупателя и радъ-бы еще поторговать съ нимъ, да больше и продавать уже нечего.

На четвертый день, сидя на почетномъ мѣстѣ и попивая

пѣнистый кумысъ, заговорилъ Тана со старикомъ о своемъ главномъ дѣлѣ.

— Есть у тебя, хозяинъ, еще товаръ,—и товаръ самый дорогой, а мнѣ очень нужный. Уступи мнѣ красавицу Онаръ. Колымъ Чорману я самъ возвращу полностью, а тебѣ прибавлю еще половину.

Старикъ головой качаетъ.

— Радъ бы тебя уважить, купецъ, да товаръ-то этотъ, какъ ты самъ знаешь, уже запроданъ раньше. Не могу измѣнить своему слову. Поговори самъ съ покупщикомъ. Если онъ согласится, и Онаръ уступитъ—отъ меня препятствія не будетъ.

Совсѣмъ загрустилъ Тана, получивъ такой отвѣтъ, хотя и мало надѣялся на лучшее. А красавица Онаръ, какъ ни въ чемъ не бывало, веселится, хохочетъ, всюду слышитъ Тана ея звонкій голосъ. И чувствуетъ, какъ будто дѣвушка въ самомъ дѣлѣ спутала ему ноги крѣпкими желѣзными путами: дѣлать ему здѣсь больше ничего, а уѣхать не можетъ. Все еще ждетъ чего-то.

Много плакался Тана вѣрному Джеманке. Тотъ слушалъ его и самъ грустилъ, даже осунулся весь.

На пятый день говоритъ Онаръ:

— Уѣзжай съ глазъ моихъ, найманъ. Поѣзжай къ себѣ домой или я уйду къ замужней сестрѣ, и ты меня, все равно, больше не увидишь. И запомни мое послѣднее слово: если сердце у тебя твердое, а рука крѣпкая—добывай славу. Тогда плати калымъ, и я сама приду къ тебѣ. Твоя судьба у тебя въ горсти.

Уѣхалъ Тана. По пути завернули къ онарову жениху. Встрѣтили ихъ тамъ съ честью, а какъ дошло до дѣла, проводили чуть не съ дракой. И слушать не хочетъ одноухій Чорманъ объ отказѣ отъ упрямой невѣсты.

Живетъ Тана дома мрачный, какъ грозовая туча, не ѣстъ и не пьетъ, все думаетъ одно: чѣмъ-бы прославиться такъ, чтобы завоевать сердце Онаръ,—и никакъ придумать не можетъ.

Наконецъ, рѣшилъ:

— Это все пустое. Просто дуритъ дѣвченка. Возьму, украду ее—и дѣло съ концомъ.

Посовѣтовался съ Джеманке и съ другими ближними товарищами. Тѣ отъ дѣла не отказались, но условились заранѣе:

— Во всемъ, Тана, отвѣтъ твой.

Распустили слухъ, что Тана надумалъ ѣхать въ городъ.

И правда: отправились по настоящей дорогѣ, но на половинѣ пути свернули въ сторону, къ буринцамъ.

Темной ночью напали на аулъ Онаръ. Изъ буринцевъ ещо никто, какъ слѣдуетъ, и проснуться не успѣлъ, а все уже было кончено: Онаръ выкрали изъ ея юрты, связали, положили поперекъ сѣдла и умчались въ горы. Кричала дѣвушка, царапалась и кусалась, какъ дикая кошка, но это помогло мало.

Въ короткой ночной свалкѣ случилась-таки большая бѣда: проломили голову брату Онаръ, мужчинѣ лѣтъ двадцати. Промучился онъ два дня и померъ, хотя и хорошіе баксы его лѣчили.

У народа языковъ много, а ушей и того больше. На другой же день всѣ буринцы уже знали, чье это дѣло. Хватились Таны,— а тотъ тѣмъ временемъ скакалъ по глухой кружной дорогѣ въ городъ, на приготовленныхъ заранѣе подставныхъ лошадяхъ. Въ городѣ пересѣлъ на почтовыхъ и увезъ Онаръ въ самую глубь къ русскимъ. И тамъ-какъ въ воду канулъ. Пропалъ Тана, пропала Онаръ, пропалъ джигитъ Джеманке. Остальные, какъ ни въ чемъ не бывало, домой вернулись.

Собрали буринцы совѣтъ. Рѣшили ѣхать въ Найманы и требовать съ нихъ кунъ за убійство, а за Онаръ—пятьсотъ головъ, кромѣ калыма и платы за безчестье родителей и жениха.

Найманы отвѣчаютъ:

— Знать мы ничего не знаемъ. Вотъ, вернется Тана, тогда мы его и разсудимъ. Тана—человѣкъ почетный, богатый. Нельзя заглазно рѣшить.

Видятъ буринцы, что добромъ дѣло не выходитъ. Созвали тогда старики всѣ ближніе роды, у которыхъ была общая тамга: ергенекъ, и говорятъ имъ:

— Оскорбили найманы родителей Онаръ и ея жениха, а стало быть, и всѣхъ васъ оскорбили и надъ всѣми вами насмѣялись. Хотѣли мы все дѣло кончить добромъ и по чести, но если теперь такъ все и оставить, то каждая собака будетъ обижать буринцевъ, какъ самый слабый и неспособный народъ. Развѣ не ведемъ мы свой родъ отъ славныхъ батырей? А теперь—позоръ и всѣмъ намъ, и отцамъ нашимъ. Безъ лица остались мы на старости лѣтъ. Лучше уже умереть поскорѣе, чѣмъ нести такое безчестье. Нѣтъ, видно, больше у буринцевъ ни батырей, ни джигитовъ.

Огнемъ разгорѣлась вся молодежь на такія слова.

— Мы не хуже отцовъ и дѣдовъ. Смоемъ позоръ,—да такъ, что найманы во вѣкъ не забудутъ.

Изготовились быстро и большой ордой, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, отправились на баранту въ найманы. Учинили такой разгромъ, что ахнула вся степь. Переломали юрты, уничтожили всякое домашнее добро. Скота захватили многое множество, а сколько его разбрелось по степи, и сколько переѣли волки—и сосчитать невозможно.

Найманы не ожидали такого большого набѣга и при первомъ же натискѣ бѣжали такъ быстро, что многіе побросали своихъ дѣтей.

Возвратились буринцы домой со славой и торжествомъ.

— Будутъ теперь насъ помнить собаки найманы!

Пересчитали найманы своихъ изувѣченныхъ и погибшихъ, сообразили все свое великое раззореніе, и тоже созвали совѣтъ изъ всѣхъ ближнихъ родовъ, у которыхъ была общая тамга: чумичъ.

И пошла безпощадная война между чумичемъ и ергенекомъ. Баранта за барантой, грабежъ за грабежомъ, убійство за убійствомъ.

Въ горныхъ проходахъ, съ той и съ другой стороны, стояли вездѣ сильные дозоры. Ѣздить можно было только большими вооруженными отрядами. И до того дошло дѣло, что нельзя уже было подсчитать, какая сторона потерпѣла больше. А всѣхъ бѣдъ и несчастій не перечислить, хоть недѣлю разсказывай.

Жилъ въ то время въ найманахъ одинъ мудрый старикъ, старыхъ временъ киргизъ. Изболѣлось все его старое сердце, не могутъ смотрѣть старые глаза на все то, что дѣлалось вокругъ.

Помолился старикъ усердно Богу одинъ на высокой горѣ. Съ той горы видно кругомъ на сотни верстъ, но на всемъ этомъ пространствѣ негдѣ было глазу остановиться: всюду одно раззореніе.

Помолившись, послалъ старикъ за своими сватьями, подъ самый Чугучакъ. Позвалъ и всѣхъ почетныхъ отъ своей тамги и всѣмъ велѣлъ говорить:

— Зоветъ старикъ гостей къ себѣ на поминки.

Подивились гости, что живой человѣкъ къ себѣ на поминки зоветъ, однако же собрались каждый со своимъ сильнымъ отрядомъ и поѣхали. Вокругъ старикова аула всю степь шатрами покрыли.

Угощаетъ старикъ гостей и кониной, и бараниной: каждый день его скотъ рѣжутъ.

Пріѣхали, наконецъ, и дальніе сваты: пригнали старику въ подарокъ скота и на множествѣ верблюдовъ привезли кумысу.

Вышелъ старикъ въ степь, сѣлъ среди шатровъ пріѣзжихъ гостей. Посадилъ поближе къ себѣ старшихъ родичей и почетныхъ, а молодые тѣсно стали вокругъ. Молчатъ всѣ и ждутъ: слышно, какъ пчела гудитъ и вѣтеръ траву колышетъ.

Заговорилъ тогда старикъ такъ:

— Наградилъ меня Аллахъ долгими днями, надѣлилъ не малымъ богатствомъ. За долгіе дни моей жизни вкусилъ я много горькаго и много сладкаго, видѣлъ много добрыхъ дѣлъ и много злыхъ, но такого зла, какое теперь дѣлается, не видѣлъ отъ рожденія моего. И не мыслилъ, чтобы могли изъ за одной безпутной головы дурного человѣка два знаменитыхъ рода безпощадно зорить другъ друга огнемъ и желѣзомъ. Не могутъ смотрѣть мои старые глаза, языкъ мой не можетъ выразить, что чувствуетъ сердце мое. Горе тѣснитъ мою грудь такъ, что воздухъ не проходитъ въ гортань. Скажу только вамъ, если почитаете, какъ должно, мои сѣдины: или прекратите это злое и постыдное дѣло, или, вотъ, на глазахъ вашихъ я, старый, отягченный долгими днями, умру не по волѣ Аллаха, а отъ собственной руки.

Вынулъ старикъ изъ за пазухи и положилъ передъ собою на коврѣ остро отточенный ножъ.

Потомъ обратился къ чугучакскимъ сватьямъ:

— Васъ, сваты, позвалъ я, чтобы дали вы свой совѣтъ. Нѣтъ вамъ ни прибыли, ни убытка въ нашей ссорѣ. Вы можете рѣшить дѣло безъ пріязни къ намъ и безъ вражды къ буринцамъ.

И сказалъ еще родичамъ:

— А вы, мои родичи, поклянитесь сдѣлать все по ихъ совѣту. Пусть остынетъ ваша кровь и погаснутъ злоба и мщеніе въ глазахъ вашихъ. Откройте по прежнему сердце къ буринцамъ, нашимъ сосѣдямъ и единовѣрцамъ. Знаю я: предки наши воевали съ уйгурами и монголами, но то были враги и невѣрные. А эта вражда противна вѣрѣ и чести, и да отвратитъ отъ васъ Аллахъ свою справедливую кару. Рѣшайте и не медлите, не томите отягченнаго днями и согбеннаго скорбью.

Тутъ поднялись шумъ и говоръ, и споры. И много еще нашлось такихъ горячихъ головъ, которыя согласились бы лучше увидѣть, какъ передъ ихъ глазами прольется кровь старика, чѣмъ прекратить вражду съ буринцами. Шумѣли они больше всѣхъ, но остались въ меньшинствѣ.

— Согласны!—сказали старшіе родичи.—Пусть разсудятъ твои сватья, а мы по ихъ суду и поступимъ.

Заплакалъ отъ радости старикъ. Покатились крупныя слезы по морщинистымъ щекамъ. Обтеръ онъ ихъ рукавомъ и говоритъ:

— Вотъ когда проснулась въ васъ кровь прежнихъ батырей, дѣдовъ и отцовъ вашихъ. Но долженъ я сказать вамъ всю правду до самого дна, хотя и почувствуете вы горечь на языкѣ вашемъ. Первые напали на насъ буринцы, но и на нашей сторонѣ не мало вины. Отступили мы отъ стараго порядка, укрывъ безпутнаго Тану и не принявъ на весь родъ его грѣха. И плачтесь теперь сами: вы раззорены великимъ раззореніемъ, а скотъ Таны пасется далеко и не пропала у него ни одна голова ни въ одной барантѣ. Говорю вамъ: образумьтесь и накажите его! Прельстило васъ его богатство, его золоту и серебру вы молились больше, чѣмъ Аллаху. И еще: мы—виновники, мы первые должны и мира просить. Нѣтъ въ этомъ никакого стыда. Дайте всѣ до одного моимъ сватьямъ ваши печати, пусть они поѣдутъ съ этими печатями къ буринцамъ, и что они тамъ скажутъ, то и будетъ нерушимо. Говорю я это передъ лицомъ Аллаха по совѣсти и разумѣнію, и нѣтъ въ моихъ словахъ никакого лукавства.

Приложили старшіе аксакалы свои печати, вручили ихъ чугучакскимъ сватьямъ. Тѣ съ разсвѣтомъ выѣхали къ буринцамъ.

Не сладко было и буринцамъ въ этой враждѣ. Но торговались они все-таки упрямо и долго, хотя и пора было уже откочевывать на зимовья.

Когда пришло время, подали сватья вѣсть найманамъ: пора закрѣпить договоръ и присягнуть.

Одѣлись аксакалы побѣднѣе, поѣхали къ буринцамъ на самыхъ плохихъ лошадяхъ. Договоръ былъ такой:

Безпутнаго Тану накажутъ сами найманы. За калымъ и безчестье родителей Онаръ выплатятъ полностью изъ его табуновъ. Первый буринскій набѣгъ предать на волю Аллаха и по немъ ни той, ни другой сторонѣ не считаться. А за все, что было потомъ—сравнять голову за голову, кунъ за кунъ. И на чьей сторонѣ будетъ разница—тому доплатить. А послѣ справедливой расплаты жить мирно и дружно, какъ въ прежніе годы жили.

Покончили съ большимъ дѣломъ, устроили въ честь старика хорошую томашу, а потомъ взялись и за меньшее.

Собрались найманскіе аксакалы, начали толковать и судить,—какъ наказать Тану, изъ котораго выросъ корень всего зла.

Крѣпко заступались за него ближніе родственники, но аксакалы поставили на своемъ.

Повсюду пошла вѣсть:

— Предано все имѣнье Таны чебару.

Начали таять табуны и отары Таны, какъ снѣгъ подъ весеннимъ солнцемъ. Бери, кто хочетъ: ни на кого не будетъ управы. Обрадовались найманы, что есть теперь, на комъ выместить злобу,—да и худыя дѣла немножко поправить. Плачется вся родня Таны, умоляетъ стариковъ, чтобы сняли чебаръ.

А самого Таны нѣтъ, какъ нѣтъ.

Только однажды видятъ найманы: ѣдетъ къ нимъ на замореной худой лошаденкѣ какой-то худородный киргизъ въ старой рваной одеждѣ. Подъѣхалъ къ аулу Таны, слѣзъ съ лошади, привязалъ ее за чумбуръ. Вышла старая мать Таны, смотритъ: а это—ея сынъ родной.

Осунулось его лицо, сгорбились плечи. Только мать и могла узнать своего безпутнаго сына въ такомъ обличьѣ.

Начала ему разсказывать о жестокомъ чебарѣ, о всѣхъ бѣдахъ, которыя сыплются на ея старую голову.

— Знаю!—отмахнулся Тана.—Все знаю.

Молча зашелъ въ юрту, сѣлъ тамъ прямо на голую землю и задумался глубоко. Лицо у него мрачное, какъ смерть: кто ни увидитъ—подойти боится.

Много горя пережилъ и самъ Тана, пока его сородичи воевали съ буринцами.

Увезъ онъ Онаръ къ русскимъ, поселился тамъ со своей похищенной невѣстой и съ однимъ только тамыромъ Джеманке. Надѣялся до сыта насладиться любовью, еще дорогой думалъ все время о томъ, какъ обниметъ въ первый разъ свою Онаръ и какъ она смирится передъ его властью,—а на дѣлѣ вышло совсѣмъ не то.

Не убавилось гордости у красавицы Онаръ. Ни на шагъ не подпускала она къ себѣ влюбленнаго Тану. И сказала прямо:

— Любить тебя я не могу, и мужемъ моимъ тебѣ не бывать. Я ждала, что ты завоюешь мое сдрдце подвигами и славой, а ты поступилъ, какъ разбойникъ. И если попробуешь одолѣть меня силой, то знай: сама я не проживу послѣ этого ни одного часа, да и тебя убью.

Сначала грозился Тана, потомъ умолялъ и плакалъ, какъ мальчишка.

Молчитъ Онаръ, какъ будто и не видитъ его. Не слышно больше ея смѣха и пѣсенъ. Блѣдныя губы всегда плотно сжаты, а въ глазахъ—огонь. Кажется, если подойдти ближе—такъ и сожжетъ этимъ огнемъ до смерти.

— Время придетъ—смирится,—думаетъ Тана.

Упросилъ Джеманке покрѣпче сторожить красавицу, чтобы не вздумала убѣжать. И когда уходилъ куда-нибудь, всегда оставлялъ невѣсту вдвоемъ съ джигитомъ.

— За хорошее дѣло ты взялся, джигитъ!—говоритъ батырю Онаръ.— Надѣвай джаулукъ, садись рядомъ со мной, будемъ шерсть сучить. Не джигитъ ты, а баба.

Потупился Джеманке подъ огнемъ ея глазъ.

— Тана мнѣ—тамыръ, и я давно уже далъ клятву въ вѣчной ему дружбѣ. И насмѣшки твои моей клятвы не нарушатъ.

Много часовъ, много дней провели вмѣстѣ Онаръ и Джеманке. И, вотъ, вернулся однажды Тана изъ какой-то недальней поѣздки и видитъ: нѣтъ ни батыря, ни невѣсты.

Понялъ сразу Тана, что теперь уже навсегда потеряна для него красавица Онаръ. Упалъ на землю и долго лежалъ безъ движенія, какъ мертвый.

Когда оправился, бросился въ погоню. Искалъ бѣглецовъ долго и тщетно, и узналъ, наконецъ, что они уже далеко, въ китайской землѣ.

Ни передъ чѣмъ не склонялся безшабашный Тана, ни во что не ставилъ завѣты стариковъ, всю жизнь покупалъ за деньги дружбу и почетъ, а отъ обманутой любви и отъ измѣны вѣрнаго Джеманке склонился, какъ сухая тростинка.

Растратилъ онъ на напрасные поиски все, что имѣлъ при себѣ, и едва добрался до родного аула.

Дорогой, проѣзжая по буринской и найманской землѣ, видѣлъ повсюду слѣды недавняго раззоренія, и задолго до пріѣзда узналъ о наложенномъ чебарѣ. Совѣсть заговорила въ безшабашномъ Танѣ. А больше совѣсти—горькая обида на прекрасную Онаръ, которая жила теперь въ чужой землѣ со своимъ возлюбленнымъ джигитомъ.

— Пусть будетъ, какъ хочетъ Аллахъ! — думаетъ Тана, сидя въ своей обѣднѣвшей юртѣ.—Не хотѣла Онаръ любить меня такимъ, каковъ я былъ,—пусть же узнаетъ потомъ, что и о безпутномъ Танѣ можетъ пройти слава по всей киргизской

землѣ. И не для ея любви, которая вянетъ, какъ осенняя трава, а для всего своего рода добуду я эту славу.

Всталъ и, не мѣняя поношенной одежды, поѣхалъ Тана по всѣмъ почетнымъ старикамъ. А впереди его слухъ бѣжитъ: вернулся безпутный Тана скроменъ и тихъ, ищетъ милости и прощенія.

Сурово принимали Тану почетные аксакалы. Онъ имъ кланялся низко и говорилъ такую рѣчь:

— Былъ я до сей поры худой изъ худыхъ. Буду теперь жить по вашимъ завѣтамъ и, если поможетъ Всемогущій — заслужу всѣ свои вины передъ народомъ. Прозрѣли мои глаза, вижу,—гдѣ добро и гдѣ зло, и буду отвращаться отъ зла до конца дней. Простите всѣ мои прежнія вины и снимите чебаръ.

Увидѣли аксакалы, что передъ ними—не прежній безпутный Тана, а совсѣмъ новый,—и рѣшили, что нельзя новаго наказывать за грѣхи прежняго. А прежній и такъ уже потерпѣлъ довольно.

Сняли чебаръ. Изъ оставшагося скота отдѣлили за убытки вдовамъ и сиротамъ, и сдѣлался Тана, вмѣсто богача — изъ самыхъ бѣдныхъ.

Самъ работаетъ Тана, самъ пашетъ, ведетъ строгую жизнь. Почернѣло бѣлое лицо, загрубѣли холеныя руки, но не подурнѣлъ Тана отъ работы. И въ бѣдномъ чапанѣ сталъ больше похожъ на батыря, чѣмъ прежде въ богатой шелковой одеждѣ.

Собрались на съѣздъ народные біи. Судятъ день, судятъ два— никакъ не могутъ рѣшить какого-то запутаннаго дѣла: каждый сторону своего отвѣтчика держитъ и ни въ чемъ съ другимъ сойтись не можетъ.

Сидѣлъ въ народѣ Тана, слушалъ. Выслушалъ все, не пропустилъ ни слова. И, когда совсѣмъ запутались біи, предложилъ имъ то рѣшеніе, которое самъ надумалъ.

Слышатъ біи, слышитъ народъ, что иначе и лучше и рѣшить нельзя. Дивились много: все еще помнили прежняго безпутнаго Тану, однако же рѣшеніе осталось то самое, какое онъ сказалъ.

И съ этого дня началъ Тана по правдѣ и по адату рѣшать всѣ дѣла, съ которыми только обращались къ нему.

Никто не выбиралъ еще Тану біемъ, а всѣ слушаются его рѣшеній, и никто не уходитъ обиженнымъ, ни правый, ни виноватый.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ шире шла и слава о новомъ

судьѣ. Словно самъ вѣтеръ разносилъ ее по всему свѣту, какъ славу о бѣлой кобылицѣ Онаръ.

Начали пріѣзжать къ Танѣ люди изъ дальнихъ земель, изъ Туркестана и изъ Ташкента. И Тана судитъ всѣхъ, судитъ по своей волѣ, а не по обязанности.

Выбрали его біемъ—отказался.

— Кому нуженъ мой судъ — пусть самъ идетъ ко мнѣ. А неволей никого звать не буду.

Много приводили Танѣ всякаго скота, давали денегъ. Но не богатѣетъ Тана. Узнаетъ, что лошадь пала у какого-нибудь бѣдняка, или коровы нѣтъ у сиротъ—и даетъ изъ своихъ.

Ѣхалъ разъ Тана поздней темной ночью изъ гостей домой. Вдругъ выскочили изъ камышей нѣсколько джигитовъ, сдернули Тану съ лошади и принялись раздѣвать. Кто сапогъ тащитъ, кто халатъ снимаетъ. А ночь была осенняя, холодная. Тана лежитъ себѣ и молчитъ. Только когда принялись снимать съ него и рубашку, онъ сказалъ тихо:

— Неужели вы, злые люди, бѣдному Танѣ и рубашки не оставите?

Какъ узнали джигиты, что это — самъ Тана, — сейчасъ же отдали ему все ограбленное и помогли одѣться. Потомъ посадили его на лошадь и сами провожали до тѣхъ поръ, пока аулъ въ виду ни показался.

— Прости насъ,—говорятъ,—Тана! Не гнѣвайся.

Повернули разомъ коней и ускакали.

Танѣ нѣкоторые изъ джигитовъ были знакомы, но онъ и виду не показалъ, что знаетъ ихъ. Только когда встрѣтится—погрозитъ палцемъ, а джигитъ опуститъ голову и уйдетъ подальше.

Живетъ Тана спокойно и мирно, и съ годами все растетъ къ нему почетъ всего народа. Вотъ уже старѣется Тана,—и зовутъ его: дунья—свѣтлый.

Рѣдко, рѣдко вспоминаетъ Тана о своей прежней жизни. Но разъ подъ вечерь сидитъ онъ у своей простой сѣрой юрты, которую вся степь лучше любого расшитаго шелкомъ шатра знаетъ,— и видитъ: идетъ къ нему нищая старуха откуда-то изъ дальней дороги. Вся въ пыли и грязи, а ноги въ кровь разбиты. Усадилъ ее Тана на мягкія подушки, угостилъ крѣпкимъ пѣнистымъ кумысомъ.

Смотритъ на него старуха, и плачутъ ея потухшіе глаза.

— Узнаешь ли меня, свѣтлый Тана?

Качаетъ головой Тана. Много народу бываетъ у него по всякимъ дѣламъ. Всѣхъ не запомнишь.

— Помнишь ли пѣсню о бѣлой кобылицѣ, свѣтлый Тана?

Тогда словно завѣса спала съ лица Таны, и онъ узналъ Онаръ.

Тоже заплакалъ, и сидѣли они такъ долго другъ противъ друга: старикъ и старуха.

Потомъ сказалъ Тана:

— Слава Аллаху, что дозволилъ онъ по своей милости передъ смертью моей еще разъ увидѣть тебя, Онаръ. Знай, что нѣтъ противъ тебя злобы въ моемъ сердцѣ. Ты показала мнѣ, что на все въ свѣтѣ есть своя цѣна, но не все можно купить на золото. Хороши были твои пѣсни и многое ты видѣла и знала,—только сердца Таны не знала и не видѣла. Вотъ добылъ я славу, какой ты хотѣла, и моя слава—слава мужчины. А поетъ ли теперь степной вѣтеръ о бѣлой кобылицѣ?

Поселилъ свѣтлый Тана въ своемъ аулѣ старую Онаръ, кормилъ ее хорошо и окружилъ достаткомъ. Но была она уже больна и слаба и прожила недолго.

Въ глубокой старости почилъ сномъ вѣчности и Тана. Погребли его съ честью найманы и буринцы и весь киргизскій народъ, и возвели надъ его тѣломъ высокую могилу. И, когда осенью спускаются съ горъ киргизы и проходятъ мимо этой могилы, они слышатъ, какъ вѣтеръ на горѣ поетъ свѣтлому Танѣ вѣчную славу.

Но забыта могила Онаръ, и слава ея увяла еще при жизни, какъ осенняя трава.

Николай Олигеръ.

Казенныя хозяйственныя операціи.

Хозяйственныя заготовки лѣсного вѣдомства, казенная торговля водкой — предпріятія, очень разнохарактерныя по существу, но въ нашихъ условіяхъ они пріобрѣтаютъ одинъ общій признакъ мѣры, ведущей къ обнищанію страны.

Государственной Думой операціи лѣсныхъ хозяйственныхъ заготовокъ жестоко осуждены, наперекоръ искреннему негодованію почтеннаго лѣсовода г. Троицкаго, въ коммиссіи Думы доказывавшаго, что на Западѣ въ культурныхъ